

ФИЛИП ПУЛМАН

ПРАВДА НАХОДИТСЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ НАШЕГО МИРА

ТЕМНЫЕ НАЧАЛА

ЧУДЕСНЫЙ НОЖ

ЧИТАЙТЕ КНИГУ И СМОТРИТЕ СЕРИАЛ

AMEDIATEKA
HOME OF HBO

Тёмные начала

Филип Пулман

Чудесный нож

«Издательство АСТ»

1997

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Пулман Ф.

Чудесный нож / Ф. Пулман — «Издательство АСТ»,
1997 — (Тёмные начала)

ISBN 978-5-17-098075-8

После событий на Свальбарде Лира Белаква попадает в новый мир, где она встречается Уилла. Уиллу двенадцать лет, и он только что совершил убийство. Вместе они оказываются в городе брошенных детей под названием Читагацце, где на земле улицы бороздят Призраки, которые поглощают души взрослых, но боятся детей, а небо делят между собой ведьмы и белоснежные ангелы... Каждый идет по своему пути: Лира ищет значение Пыли, а Уилл – своего пропавшего отца, но находят они предмет могущественной силы – Чудесный нож, способный разрезать любую вещь и даже окна в другие миры...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-098075-8

© Пулман Ф., 1997
© Издательство АСТ, 1997

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	35
Глава четвертая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Филип Пулман

Чудесный нож

Philip Pullman

HIS DARK MATERIALS 2. THE SUBTLE KNIFE

Печатается с разрешения автора при содействии литературных агентств A P Watt at United Agents и Synopsis Literary Agency.

Перевод с английского *Владимира Бабкова*

Художественное оформление и дизайн макета *Андрея Фереца*

Иллюстрации в тексте *Филипа Пулмана*

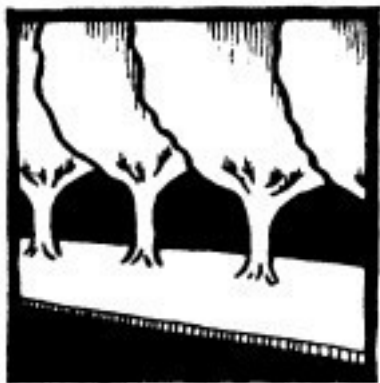
© 1997 by Philip Pullman

© В. Бабков, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава первая

Кошка и окно под грабами

Уилл потянул мать за руку и сказал:

– Ну пойдем же, пойдем...

Но его мать медлила. Она все еще была напугана. Уилл окинул взглядом узкую улочку и сплошные ряды домиков вдоль нее: перед каждым домиком был крохотный палисадник за оградой из барбарисовых кустов, а лучи заходящего солнца сверкали на оконных стеклах с одной стороны улицы, оставляя другую в тени. Надо было торопиться. Скоро люди поужинают, их дети отправятся на прогулку и будут глазеть на них, обмениваясь замечаниями. Мешкать было опасно, но, как всегда, он мог только уговаривать ее.

– Мам, давай заглянем к миссис Купер, – сказал он. – Смотри, вот ее дом.

– К миссис Купер? – с сомнением откликнулась она.

Но он уже звонил в дверь. Для этого ему пришлось поставить сумку, потому что он не хотел отпускать руку матери. Он понимал, что двенадцатилетний мальчишка, вцепившийся в мамину руку, выглядит странно, однако у него не было выбора.

Дверь отворилась, и на пороге возникла сгорбленная фигура хозяйки – от нее по-прежнему пахло лавандой, как в те времена, когда Уилл приходил к ней брать уроки игры на фортепиано.

– Кто это? Уильям? – произнесла старушка. – Я не видела тебя больше года. Что тебе нужно, милый?

– Пожалуйста, разрешите мне и моей маме войти в дом, – твердо сказал он.

Миссис Купер взглянула на женщину со сбившейся прической и неуверенной улыбкой на устах, а потом на мальчика – в глазах его блестели решимость и отчаяние, губы были плотно сжаты, а подбородок выдвинут вперед. И тут она увидела, что миссис Парри, мать Уилла, подвела тушью только один глаз, забыв о втором. На это не обратила внимания ни она сама, ни ее сын. Что-то было неладно.

– Ну что ж... – сказала она и отступила в сторону, освобождая проход в узком коридоре.

Прежде чем закрыть дверь, Уилл посмотрел в оба конца улицы, и миссис Купер заметила, как крепко миссис Парри держится за руку своего сына и как бережно он направляет ее в гостиную, где стояло пианино (понятно, что других комнат он и не знал); а еще она заметила, что от платья миссис Парри слегка отдает плесенью, словно оно чересчур долго пролежало мокрым в стиральной машине, и подивилась тому, как похожи они оба, когда мать и сын сели на диван и вечернее солнце осветило их выступающие скулы, широко расставленные глаза, прямые черные брови.

– В чем дело, Уильям? – спросила старушка. – Что случилось?

– Моей маме нужно пожить у кого-то несколько дней, – ответил он. – Сейчас я не могу ухаживать за ней дома. Но это не значит, что она больна. Она просто немножко расстроена и взволнована, и у нее мысли путаются. За ней совсем нетрудно присматривать. Ей просто нужен кто-то, кто будет с ней ласков, а лучше вас я никого не смог придумать.

Женщина смотрела на своего сына так, будто не понимала, о чем идет речь, и миссис Купер заметила у нее на щеке синяк. Уилл не сводил глаз с миссис Купер, и на его лице было написано страдание.

– И тратиться вам на нее не надо, – продолжал он. – Я взял с собой кое-какую еду – по моему, этого вполне хватит. Вы и сами можете пользоваться, мама не станет возражать.

– Но... я не знаю, стоит ли мне... Разве ей не нужен врач?

– Нет! Она не больна.

– Но должен же быть кто-нибудь, кто мог бы... Я имею в виду, у вас же наверняка есть соседи или кто-то из родственников...

– У нас нет родственников. Мы одни. А соседи очень заняты.

– А как насчет социального обслуживания? Я не отказываю тебе, милый, только...

– Нет! Нет. Ей просто нужно чуть-чуть помочь. Сам я сейчас не смогу за ней смотреть, но долго это не протянется. Я должен... Мне надо кое-что сделать. Но я скоро вернусь и заберу ее обратно домой, обещаю. Вы не успеете от нее устать.

Мать смотрела на сына с таким доверием, а он обернулся и ответил ей такой теплой, ободряющей улыбкой, что миссис Купер не нашла в себе сил ему отказать.

– Ну что же, – сказала она, поворачиваясь к миссис Парри. – Я думаю, денек-другой ничего не значит. Вы можете занять спальню моей дочери, милая: она в Австралии, и эта комната ей больше ни к чему.

– Спасибо, – сказал Уилл и поднялся на ноги, точно спешил поскорее уйти.

– Куда же ты сейчас собираешься? – спросила миссис Купер.

– Я поживу у приятеля, – ответил он. – Буду звонить так часто, как только смогу. Ваш телефон у меня есть. Все будет хорошо.

Мать мальчика смотрела на него озадаченно. Он нагнулся и неуклюже поцеловал ее.

– Не беспокойся, – сказал он. – Миссис Купер сможет ухаживать за тобой лучше меня, честно. А завтра я позвоню, и мы поговорим.

Они крепко обнялись; потом Уилл снова поцеловал мать, бережно разнял ее руки, обнимавшие его за шею, и направился к выходу. По его влажным глазам миссис Купер видела, как он расстроен; но у порога мальчик обернулся, вспомнив о правилах хорошего тона, и протянул ей руку.

– До свидания, – сказал он, – и огромное вам спасибо.

– Уильям, – промолвила она, – я хотела бы, чтобы ты объяснил мне, в чем...

– Этого в двух словах не расскажешь, – ответил он, – но она не доставит вам хлопот, честно.

Миссис Купер рассчитывала услышать другое, и они оба понимали это; но почему-то право решать сейчас принадлежало Уиллу, и старушка смолчала. Она подумала, что никогда еще не видела на детском лице такой неумолимости.

Он повернулся к двери, уже переключившись мыслями на свой пустой дом.

Тупичок, где жили Уилл с матерью, находился в современном районе. Дорога здесь образовывала петлю, вдоль которой стояло с дюжину одинаковых домов, причем дом Парри выглядел гораздо беднее прочих. Палисадник перед ним был просто клочком земли, заросшим сорной травой; несколько месяцев назад мать Уилла посадила здесь какие-то кустики, но они зачахли и умерли, потому что их никто не поливал. Как только Уилл появился из-за угла, его кошка Мокси оставила свое любимое местечко под еще живой гортензией, потянулась и

подошла к хозяину, чтобы с тихим приветственным мяуканьем потереться головой о его ногу. Он поднял ее и шепнул:

– Они возвращались, Мокси? Ты их видела?

В доме стояла тишина. Сосед из дома напротив мыл машину в последних лучах заходящего солнца, но он не обратил внимания на Уилла, а Уилл не посмотрел на него. Чем меньше люди тебя замечают, тем лучше.

Прижимая Мокси к груди, он отпер дверь и быстро вошел внутрь. Затем, прежде чем опустить кошку на пол, очень внимательно прислушался. Но ничего не услышал; дом был пуст.

Он открыл для Мокси банку консервов и выложил их в миску на кухне. Сколько у него еще времени до возвращения того человека? Сказать этого никто не мог, поэтому нужно было действовать быстро. Он поднялся наверх и взялся за поиски.

Он искал потертый несессер из зеленой кожи, в котором хранились письма. В любом самом обычном современном доме на удивление много укромных местечек, где можно спрятать вещь такого размера; для этого вовсе не нужны тайники за стенными панелями и огромные подвалы. Сначала Уилл осмотрел спальню матери, хотя ему было неловко рыться в ящиках с ее нижним бельем, а потом методично обшарил все остальные комнаты на втором этаже, включая и свою собственную. Мокси пришла поглядеть, что он делает, и стала умываться поблизости, за компанию.

Но он не нашел бумажника.

К этому времени уже стемнело, и он проголодался. Поджарив себе тост с печеной фасолью, он сел за кухонный стол и стал соображать, в каком порядке лучше всего обыскивать первый этаж.

Когда он уже почти справился с ужином, зазвонил телефон.

Он сидел абсолютно неподвижно, с колотящимся сердцем. Он сосчитал: двадцать шесть звонков, и потом тишина. Поставив тарелку в раковину, он снова принялся за дело.

Прошло еще четыре часа, а несессер из зеленой кожи так и не удалось обнаружить. Была половина второго ночи, и Уилл страшно устал. Он лег на кровать прямо в одежде и мгновенно заснул. Его сны были путанными и беспокойными, и где-то рядом, рукой подать, все время маячило несчастное, испуганное лицо матери.

И казалось, почти сразу же (хотя на самом деле он проспал добрых три часа) Уилл проснулся, осознав две вещи одновременно.

Во-первых, он понял, где спрятан несессер. И во-вторых, понял, что те люди сейчас внизу – открывают кухонную дверь.

Он снял с кровати Мокси, которая мешала ему встать, и тихо успокоил ее, когда она сонно попыталась возразить против такого обращения. Затем опустил ноги на пол и надел ботинки, напряженно ловя каждый звук, доносящийся снизу. Это были очень слабые звуки: кто-то поднял и переставил стул, раздался еле слышный шепот, скрипнула половица.

Двигаясь еще осторожнее, чем незваные гости, он вышел из своей спальни и на цыпочках прокрался в пустующую комнату у самой лестницы. Тьма здесь не была совсем уж кромешной, и в призрачных, серых предрассветных лучах он разобрал, где стоит старая швейная машинка с педалью. Он тщательно осмотрел эту комнату всего несколько часов назад, но забыл тогда заглянуть в боковой ящик швейной машинки, где обычно хранились лекала и катушки.

Теперь он аккуратно нащупал этот ящик, все время внимательно прислушиваясь. Люди передвигались внизу, и иногда в щели под дверью поблескивал свет – наверное, у них был фонарь.

Он нашел защелку, тихо повернул ее, открыв ящик, – и там, как и следовало ожидать, лежал тот самый кожаный несессер.

Но что ему делать дальше?

Пока ничего. Он съежился в полутьме, стараясь унять громкий стук сердца и по-прежнему слушая, что творится за дверью.

В прихожей было двое. Он слышал, как один из них тихо сказал:

– Пора. Слышишь, по улице уже едет молочник?

– Он еще далеко, – возразил другой. – Надо осмотреть второй этаж.

– Ну ладно, давай. Только поскорее.

Уилл подобрался, услышав тихий скрип верхней ступеньки. До этого человек шел практически беззвучно, но он не мог знать, что ступенька скрипит. Потом наступила пауза. По полу снаружи скользнул тонкий луч фонарика. Уилл увидел его свет в щели под дверью.

Затем дверь начала приоткрываться. Уилл ждал; только когда на пороге вырос мужской силуэт, он внезапно выскочил из темноты и ударил незнакомца головой в живот.

Ни один из них не заметил кошки.

Когда человек достиг верхней ступени лестницы, Мокси тихо вышла из спальни и, подняв хвост, остановилась прямо за ним, готовая потереться о его ноги. Человек справился бы с Уиллом, потому что был крепок и тренирован, но ему помешала кошка, и, попытавшись отступить, он споткнулся об нее. Вскрикнув от неожиданности, он упал спиной назад с лестницы и с ужасной силой ударился головой о столик в прихожей.

Уилл услышал этот жуткий треск, но не стал разбираться, что случилось; он опрометью кинулся вниз, перепрыгнул через тело упавшего человека – распластанное у подножия лестницы, оно слабо подергивалось, – схватил со столика потертую хозяйственную сумку и выскочил из парадной двери прежде, чем второй незнакомец, появившийся на пороге гостиной и ошеломленно смотревший на него, успел что-либо сделать.

Даже страх и спешка не помешали Уиллу удивиться тому, что второй мужчина не закричал и не бросился ему вслед. Но с их машинами и сотовыми телефонами они наверняка скоро до него доберутся. Оставалось одно – бежать со всех ног.

Он увидел, как в их тупичок поворачивает электрокар молочника – на фоне заметно посветлевшего неба его фары казались бледными. Уилл перепрыгнул через изгородь в соседский садик и понесся дальше вдоль дома, через стену в следующий сад, по мокрой от росы лужайке, сквозь живую изгородь и густые заросли кустарника и деревьев между жилым районом и главной дорогой, забился там под какой-то куст и лег на землю, дрожа и задыхаясь. Выходить на дорогу пока не стоило: лучше было дожидаться утреннего часа пик.

В его ушах все еще звучал треск, раздавшийся при ударе головы незнакомца о столик; он словно до сих пор видел перед собой его тело с неестественно вывернутой шеей и жутко подергивающимися конечностями. Этот человек умер. И убил его он.

Уилл никак не мог избавиться от этой навязчивой мысли, но сделать это было необходимо. Слишком многое сейчас требовало его внимания. Надо было подумать, например, о матери: так ли уж безопасно ее нынешнее убежище? Можно ли рассчитывать, что миссис Купер ничего никому не скажет? Даже если он, Уилл, не вернется, как обещал? Потому что теперь, когда он убил незнакомца, ему нельзя возвращаться.

А Мокси? Кто ее покормит? Будет ли она волноваться, когда увидит, что они оба куда-то пропали? Пойдет ли их искать?

Вокруг становилось светлее с каждой минутой. Уже можно было проверить содержимое хозяйственной сумки: там лежали материн кошелек, последнее письмо от адвоката, карта дорог южной Англии, несколько шоколадок, зубная паста, запасные носки и трусы. И зеленый кожаный несессер для бумаг.

Все было на месте. В общем-то, все пока шло по плану.

Если не считать того, что он убил человека.

Впервые Уилл понял, что его мать отличается от других и что он должен за ней присматривать, когда ему было семь лет. Тогда они отправились в супермаркет и затеяли там игру: взять что-нибудь с полки и положить в тележку можно было только тогда, когда никто на них не смотрел. Уилл озирался по сторонам и шептал: «Давай!», а его мать быстро хватала пакет или банку консервов и тихо опускала их в тележку. После этого можно было уже ничего не опасаться, потому что там продукты становились невидимыми.

Это была хорошая игра, и она продолжалась довольно долго, поскольку в то субботнее утро магазин был полон народу; но они с матерью умело и ловко действовали сообща. Они доверяли друг другу. Уилл очень любил свою мать и часто говорил ей об этом, и она отвечала ему тем же.

Когда они наконец подошли к кассе, Уилл был возбужден и счастлив, потому что они почти выиграли. А потом мать не смогла найти кошелек, но это тоже было частью игры, даже когда она сказала, что его, наверное, украли враги; но к тому времени Уилл уже устал и проголодался, да и мать больше не казалась такой счастливой. Она была по-настоящему испугана, и они всё ходили по магазину, возвращая продукты обратно на полки, но теперь им надо было быть втроене осторожными, поскольку враги могли выследить их по номеру кредитной карточки: они знали его, потому что стащили у матери кошелек...

И сам Уилл начинал бояться все сильнее и сильнее. Он понял, как умно поступила мать, превратив подлинную опасность в игру, чтобы не напугать его; а еще он понял, что теперь, узнав правду, он тоже должен изображать спокойствие, чтобы подбодрить ее.

Поэтому маленький мальчик притворился, что по-прежнему увлечен игрой – ведь мать наверняка огорчилась бы, увидев его испуг, – и они отправились домой, так ничего и не купив, зато спаслись от врагов, а потом Уилл нашел пропавший кошелек на столике в прихожей. В понедельник они пошли в банк и закрыли ее счет, после чего открыли в другом месте новый, просто на всякий случай. Таким образом, в тот раз опасность их миновала.

Но вскоре, в ближайшие несколько месяцев, Уилл постепенно и против своего желания осознал, что враги, которых боится мать, находятся не во внешнем мире, а в ее собственном мозгу. От этого они не делались менее реальными, менее страшными и опасными; наоборот, это значило, что он должен охранять ее еще более внимательно. Тогда, в супермаркете, Уилл притворился довольным, чтобы не расстраивать мать, и с тех пор какая-то часть его сознания всегда оставалась настороже, прислушиваясь к ее тревогам. Он любил свою мать так горячо, что готов был умереть, защищая ее.

Что касается отца Уилла, то он исчез давным-давно, и мальчик его совсем не помнил. Ему страшно хотелось узнать о своем отце побольше, и он часто приставал к матери с вопросами, на которые она, как правило, не могла ответить:

- Он был богатый?
- Куда он уехал?
- Почему он уехал?
- Он умер?
- Он вернется?
- Какой он был?

Только в последнем случае мать сумела до известной степени удовлетворить его любопытство. Джон Парри был красивым, умным и отважным офицером Королевского флота; выйдя в отставку, он стал профессиональным исследователем и не раз возглавлял экспедиции в самые отдаленные уголки мира. Этот рассказ привел Уилла в восторг. Разве не чудесно быть сыном настоящего путешественника? С тех пор отец незримо сопровождал мальчика во всех его играх: они вместе прорубали себе дорогу в джунглях, пристально вглядывались в даль бушующего моря с палубы своей верной шхуны, поднимали факел, чтобы разобрать таинственные иероглифы на стене грота, кишашего летучими мышами... Они стали самыми близкими

товарищами, они спасали друг другу жизнь бесчисленное множество раз, они смеялись и разговаривали, засиживаясь у походного костра далеко за полночь.

Но чем старше становился Уилл, тем больше у него возникало сомнений. Почему у них в доме не было снимков, где отец был бы запечатлен сидящим на нартах в обществе людей с заиндевелыми бородами или изучающим покрытые лианами руины в тропическом лесу? Неужели не сохранилось ни одного трофея или сувенира из тех, которые он должен был привозить с собой? И отчего в книгах знаменитых путешественников нет ни единого упоминания о нем?

Мать этого не знала. Но как-то раз она сказала одну вещь, запомнившуюся ему накрепко. Она сказала:

– Наступит время, когда ты двинешься по стопам своего отца. Ты тоже станешь великим человеком. И унаследуешь его мантию...

И хотя Уилл не понял толком, что это значит, он ухватил суть материнских слов и почувствовал гордость и уверенность в своих силах. Значит, всем его мечтам суждено сбыться. Его отец жив – он просто заблудился в каких-то дебрях, но Уилл придет к нему на помощь и в благодарность получит от него мантию... Если у тебя есть такая прекрасная цель, ради нее можно перетерпеть многое.

И он никому не говорил, что с его матерью что-то неладно. Временами она вела себя спокойнее, чем обычно, и ее сознание прояснялось; тогда он учился у нее тому, как делать покупки, готовить еду и убирать в доме, чтобы потом, когда на мать снова нападут страх и смятение, можно было вести хозяйство без ее помощи. Он научился скрывать не только свои чувства, но и себя самого: быть незаметным в школе и не привлекать внимания соседей даже в те периоды, когда мать почти теряла дар речи от ужаса и помутнения рассудка. Сам Уилл больше всего опасался того, что власти узнают о происходящем, заберут у него мать и поселят ее в специальном заведении, среди чужих людей. Хуже этого ничего нельзя было себе представить. Потому что порой тучи, омрачавшие разум его матери, рассеивались; тогда она снова становилась счастливой, смеялась над своими страхами и благодарила его за то, что он так хорошо о ней заботился. В такие дни он понимал, что у него не может быть более ласкового и любящего товарища, и мечтал только о том, чтобы жить вдвоем с матерью до скончания века.

А потом появились незнакомцы.

Они были не из полиции и не из социальных служб; насколько Уилл мог судить, не были они и преступниками. Несмотря на все попытки Уилла спровадить их, они не объяснили ему, что им нужно, и настояли на том, чтобы поговорить с его матерью. А она тогда как раз была не в лучшей форме.

Но он остался под дверью и услышал, как они спрашивают ее об отце; ему сразу стало труднее дышать.

Незнакомцы хотели знать, куда пропал Джон Парри, и посылал ли он ей оттуда что-нибудь, и когда она в последний раз получала от него весточку, и имел ли он связи с какими-либо иностранными посольствами. Уилл слышал, как мать волнуется все сильнее и сильнее, и наконец не выдержал: он вбежал в комнату и сказал этим людям, чтобы они уходили.

Он выглядел таким разъяренным, что незнакомцы не стали над ним смеяться, хотя он и был всего лишь мальчишкой. Они запросто могли бы сбить его с ног или оторвать от пола одной рукой, но он не испытывал страха и буквально пылал от гнева.

И они ушли. Этот случай, разумеется, укрепил его убеждение в том, что Джон Парри попал в беду и помочь ему может только он, Уилл. Его игры перестали быть детскими, и он уже не играл в них открыто. Прежние фантазии постепенно обращались в реальность, и он должен был оказаться на высоте.

Вскоре после этого незнакомцы вернулись – якобы потому, что мать Уилла обещала им кое-что сообщить. Они пришли, когда Уилл был в школе, и один из них занимал ее разговором наверху, а другой в это время шарил по комнатам. Она не заметила, что происходит. Но Уилл

вернулся домой раньше обычного, увидел непрошенных гостей и снова набросился на них, и снова прогнал прочь.

Они словно знали, что он не пойдет в полицию из опасения, что мать могут с ним разлучить, и потому становились все более и более настойчивыми. В конце концов они вломились в дом, когда Уилл покинул его, чтобы привести мать из парка: в последнее время ее расстройство усугубилось, и она была убеждена, что ей необходимо дотронуться до каждой отдельной дощечки каждой скамейки вокруг пруда. Уилл помогал ей, чтобы дело шло быстрее. Добравшись наконец домой, они увидели, как машина незнакомцев поворачивает за угол, выезжая из их тупичка, а потом Уилл обнаружил, что они обыскали почти все шкафы и ящики.

Он сообразил, что им нужно. Зеленый несессер для бумаг был самым драгоценным достоянием матери; Уилл не мог и помыслить о том, чтобы заглянуть в него, и даже не знал, где мать его хранит. Правда, он знал, что там лежат какие-то письма, и иногда видел, как мать читает их и по ее лицу текут слезы; именно в эти дни она рассказывала Уиллу о его отце. Вот почему Уилл предположил, что незнакомцы ищут тот самый зеленый несессер, и понял, что им с матерью нельзя просто сидеть и ждать. Надо было действовать.

Сначала он решил найти какое-нибудь безопасное убежище для матери. Он думал и думал, но у него не было друзей, к которым он мог бы обратиться с просьбой приглядеть за нею, а соседи уже и так что-то подозревали; единственным человеком, внушающим ему доверие, была миссис Купер. Выполнив первую часть своего плана, он собирался найти зеленый кожаный несессер, посмотреть, что в нем находится, а затем поехать в Оксфорд и попытаться найти там ответы на кое-какие из своих вопросов. Но незнакомцы вернулись слишком рано.

И он убил одного из них.

Так что теперь за ним будет охотиться еще и полиция.

Что ж, он привык казаться незаметным. Теперь ему придется употребить на это все свои силы: ему нужно, чтобы его *не замечали* как можно дольше, до тех пор, пока либо он не найдет отца, либо они не найдут его. И если они найдут его первыми, ему все равно, сколько еще из них он убьет.

* * *

Вечером того же дня – точнее говоря, ближе к полуночи – Уилл, полумертвый от усталости, выходил за пределы Оксфорда в шестидесяти километрах от своего дома. Он добирался сюда на попутных машинах, на двух автобусах и пешком, но приехал в Оксфорд только к шести часам, когда выполнять задуманное было уже поздно. Поэтому он перекусил в кафе «Бургер-кинг» и пошел в кино, чтобы спрятаться (что за фильм там показывали, он забыл еще до конца сеанса); а теперь он шагал среди пригородных коттеджей по бесконечному шоссе, идущему на север.

До сих пор никто его не заметил. Но Уилл понимал, что ему нужно поскорее найти место для ночевки: ведь ночью одинокий мальчик на дороге гораздо больше бросается в глаза. К сожалению, в садах уютных домиков, мимо которых он шел, трудно было надежно спрятаться, а открытая сельская местность все никак не показывалась.

Он достиг крупной развязки на пересечении своего шоссе с Оксфордской кольцевой, которая шла здесь с запада на восток. В этот ночной час машин на дорогах было совсем немного, и уютные домики, разбросанные поодаль среди зеленых лугов, окружала почти полная тишина. По обочинам дороги росли высаженные в два ряда грабы – чудные деревья с густыми, абсолютно симметричными кронами, похожие скорее на детские рисунки, чем на творения природы, – и при свете уличных фонарей вся сцена, представшая перед глазами Уилла, выглядела искусственной, точно театральная декорация. Уилл плохо соображал от усталости и, наверное, двинулся бы дальше на север или приклонил голову на траве под одним из этих

деревьев и заснул; но пока он стоял на перекрестке, пытаясь собраться с мыслями, в поле его зрения появилась кошка.

Она была полосатая, как Мокси. Она вылезла из сада на оксфордской стороне дороги, неподалеку от Уилла. Уилл опустил сумку на землю и протянул руку, и кошка подошла потреться о костяшки его пальцев, как, бывало, делала Мокси. Конечно, так поступила бы любая кошка, но Уилла все равно вдруг охватила до того жгучая тоска по дому, что на его глаза навернулись горячие слезы.

Вскоре кошке надоело ласкаться к нему. Стояла ночь, и ей пора было обходить свою территорию, выслеживать мышей. Она неслышно перебежала через дорогу, к кустам, росшим прямо за грабами, и там почему-то остановилась.

Уилл, провожавший ее взглядом, заметил, что кошка ведет себя странно.

Она вытянула лапу, словно хотела потрогать что-то в воздухе перед собой – что-то, полностью невидимое для Уилла. Затем отскочила назад, выгнув спину и распушив шерсть, подняв хвост торчком. Уилл разбирался в поведении кошек. Он стал еще внимательнее следить за тем, как кошка вновь приблизилась к загадочному месту – простому клочку земли между грабами и живой оградой, на котором не росло ничего, кроме травы, – и вновь потрогала лапой воздух.

Потом она снова отпрыгнула, но не так далеко, и выглядела уже менее встревоженной, чем раньше. После еще нескольких секунд обнюхивания, трогания, шевеления усами любопытство победило осторожность.

Кошка шагнула вперед – и исчезла.

Уилл сморгнул. Потом замер, прикинув к стволу ближайшего дерева, потому что по кольцу развязки проехал грузовик, осветив его своими фарами. Когда машина укатила прочь, он пересек дорогу, не сводя глаз с того места, которое исследовала кошка. Это оказалось нелегко, поскольку задержаться взглядом там было совершенно не на чем, но когда Уилл стал на нужную точку и как следует осмотрелся, он увидел то, что заинтересовало кошку.

Обнаружилось, что видеть это можно лишь под некоторыми углами. Оно выглядело так, будто кто-то вырезал из воздуха лоскут метра в двух от края дороги – лоскут примерно квадратной формы и меньше метра в поперечнике. Если смотреть на эту дыру сбоку, ее было почти не видно, а если сзади, то не видно совсем. Вы могли увидеть ее только со стороны, ближайшей к дороге, но даже оттуда ее было нелегко различить, поскольку то, что вы видели сквозь нее, ничем не отличалось от того, что лежало перед ней: это был точно такой же травянистый клочок земли, освещенный уличным фонарем.

Но Уилл сразу же и без всяких сомнений понял, что клочок земли по ту сторону дыры находится в ином мире.

Он не мог бы сказать, откуда у него взялась такая уверенность. Он просто знал это – знал так же хорошо, как то, что огонь обжигает, а лучше доброты нет ничего на свете. Он смотрел на что-то, глубоко ему чуждое.

И уже одно это заставило его нагнуться и заглянуть в таинственное окно. От того, что он там увидел, в голове у него помутилось, а сердце застучало сильнее, но он не медлил ни секунды: он сунул внутрь свою хозяйственную сумку, а потом и сам пролез в дыру в оболочке, отделяющей его собственный мир от иного.

Он очутился под стоящими в ряд деревьями. Но это были не грабы – это были высокие пальмы, и росли они, подобно деревьям в Оксфорде, на травянистой лужайке. Однако это была середина широкого бульвара, а вдоль него выстроились кафе и маленькие магазинчики – все они были ярко освещены, все открыты, и во всех этих заведениях под густо усыпанным звездами небом царили пустота и мертвая тишина. Теплый ночной воздух был насыщен ароматами цветов и соленым запахом моря.

Уилл робко огляделся. Позади него, над далекими зелеными холмами светила полная луна, а на склонах этих холмов, у их подножия, стояли дома с роскошными садами и был разбит парк, в котором темнели кущи деревьев и тускло белело здание классического стиля.

Прямо за его спиной находилась та вырезанная в воздухе дыра – с этой стороны ее было так же трудно различить, как и с другой, но она, несомненно, никуда не пропала. Он наклонился, чтобы посмотреть в нее, и увидел покинутую им дорогу в Оксфорде, в его собственном мире. Содрогнувшись, он отвернулся от окна: каким бы ни был этот новый мир, здесь ему вряд ли будет хуже, чем в родном. Испытывая легкое головокружение, с чувством, что он спит и бодрствует в одно и то же время, Уилл выпрямился и посмотрел вокруг, ища кошку, свою проводницу.

Но ее нигде не было видно. Наверное, она уже изучала переулочки и садики за теми магазинами и кафе, где так соблазнительно сиял свет. Уилл поднял свою потрепанную сумку и медленно пересек дорогу, направляясь к ним, – он ступал очень осторожно, боясь, что все это великолепие вдруг исчезнет.

В атмосфере этого места было что-то средиземноморское, а может быть, южноамериканское. Уилл никогда не покидал Англии и не мог сравнить то, что видел сейчас, со своими воспоминаниями, но это явно выглядело как город, где люди выходят на улицы поздно вечером, чтобы есть и пить, танцевать и наслаждаться музыкой. Только здесь почему-то никого не было, и тишина казалась гнетущей.

На первом же углу ему попалось кафе с маленькими зелеными столиками на тротуаре и оцинкованной стойкой, на которой стояла кофеварка «экспресс». На нескольких столиках он увидел полупустые стаканы; в одной пепельнице сигарета истлела до самого фильтра; рядом с корзинкой, полной черствых, твердых как картон булочек, осталась тарелка с недоеденным ризотто.

Он взял из холодильника за стойкой бутылку лимонада и, немного подумав, опустил в кассу монету достоинством в один фунт. Закрыв ящичек кассы, он тут же выдвинул его снова, сообразив, что лежащие там деньги могут подсказать ему, куда он попал. На монетках стояла надпись «Корона» – очевидно, так называлась здешняя валюта, – но больше ему ничего выяснить не удалось.

Он положил деньги обратно, откупорил лимонад приделанной к стойке открывалкой и, выйдя из кафе, побрел по улице прочь от бульвара. Он шел мимо бакалейных лавочек и булочных, мимо ювелирных и цветочных магазинчиков; между ними попадались и двери с занавесками из бусин, ведущие в частные дома. Их красивые железные балкончики, густо увитые цветами, нависали над узким тротуаром, а внутри них, в замкнутом пространстве, царила еще более глубокая тишина, чем снаружи.

Улицы здесь вели под уклон, и через некоторое время Уилл выбрался на широкий проспект, тоже окаймленный высокими пальмами – их листья блестели снизу в лучах фонарей.

По другую сторону проспекта было море.

Перед Уиллом простиралась бухта, ограниченная слева каменным волнорезом, а справа – мысом, на котором, в окружении цветущих кустов и деревьев, стояло залитое ярким светом прожекторов здание с каменными колоннами, широкой парадной лестницей и лепными балконами. В гавани отдыхали на якорю два-три гребных суденышка, а за волнорезом сверкала морская гладь, в которой отражались звезды.

К этому времени всю усталость Уилла как рукой сняло. Он совсем расхотел спать и завороченно озирался вокруг. Шагая по узким улочкам, он время от времени дотрагивался то до какой-нибудь стены, то до дверного косяка или цветов на окне, каждый раз убеждаясь, что эти предметы плотны и осязаемы. Теперь ему хотелось потрогать всю развернувшуюся перед ним панораму – она была так грандиозна, что ее трудно было воспринять одними глазами. Он замер на месте, глубоко дыша, почти испуганный.

Потом он заметил, что все еще сжимает в руке бутылку, взятую в кафе. Он глотнул из нее. По вкусу напиток ничем не отличался от обычного лимонада, холодного как лед, что при здешней жаре было весьма кстати.

Он пошел направо, мимо гостиниц – их входы под навесами были ярко освещены, а веранды увиты бугенвиллеей, – и вскоре добрался до садов на небольшом мысу. Нарядное здание среди деревьев, залитое светом прожекторов, могло быть казино или даже оперным театром. Под олеандрами с укрепленными на них прожекторами были разбиты многочисленные дорожки, но в тишине не раздавалось ни звука, который говорил бы о присутствии жизни. Уилл не слышал ни пения ночных птиц, ни стрекота насекомых – только свои собственные шаги.

Правда, при желании можно было различить еще и тихий ритмичный плеск волн, набегающих на пляж, который скрывался за пальмами на краю сада. Уилл направился туда. Прилив еще не достиг своего пика, а может быть, уже начался отлив, и на мягком белом песке, куда не добирались волны, стояли в ряд водные велосипеды. Каждые несколько секунд очередная крохотная волна, заворачиваясь, накатывала на берег и аккуратно соскальзывала под следующую. Метрах в пятидесяти от пляжа, на спокойной воде, была небольшая вышка для ныряния.

Уилл присел боком на один из велосипедов и снял свои дешевые полуразвалившиеся кроссовки, в которых было жарко и неудобно. Потом стянул носки, положил их рядом с кроссовками и зарылся пальцами ног глубоко в песок. Еще через несколько секунд он скинул с себя всю остальную одежду и пошел купаться.

Вода была замечательная – средняя между теплой и прохладной. Он доплыл до вышки, забрался на нее и уселся на гладких, отмытых досках лицом к городу.

Справа был волнорез, образующий границу бухты. Дальше, примерно в полутора километрах от него, виднелся красно-белый полосатый маяк. За маяком смутно выступали далекие скалы, а за ними – те огромные, широкие покатые холмы, которые Уилл заметил почти сразу после того, как пролез в окно между мирами.

Ближе к бухте находились деревья с прожекторами около казино, улицы города и набережная с ее гостиницами, кафе и соблазнительно освещенными магазинчиками, и везде было по-прежнему пустынно и тихо.

И безопасно. Никто не может последовать за ним сюда; человек, залезший к ним в дом, никогда не узнает, где он; полиция никогда его не отыщет. Ему повезло: он искал, где бы спрятаться, и нашел целый мир.

Впервые после своего утреннего побега из дома Уилл почувствовал, что опасность наконец миновала.

Ему снова захотелось пить, а заодно и есть: ведь что ни говори, а в последний раз он ел еще в другом мире! Он скользнул обратно в воду и не спеша поплыл к берегу; там он надел трусы, а все остальные вещи вместе с сумкой просто сгреб в охапку. Пустую бутылочку из-под лимонада он выкинул в первую попавшуюся урну и босиком пошел по тротуару к главной набережной.

Когда его кожа немного подсохла, он натянул джинсы и стал озираться в поисках места, где можно было бы перекусить. Гостиницы отпугивали его своей пышностью. Уилл заглянул в одну из них, но она была так велика, что ему стало неудобно, и он отправился дальше. Вскоре он нашел небольшое кафе, с виду как раз то, что нужно. Он не мог бы объяснить себе, почему выбрал именно его – вокруг было не меньше десятка точно таких же заведений с балкончиками на втором этаже, где стояли цветы в горшках, и вынесенными на тротуар столиками, – но оно отчего-то показалось ему самым заманчивым.

За стойкой бара внутри висели фотографии боксеров и подписанный плакат с широко улыбающимся аккордеонистом. Рядом была кухня, а дверь в ее дальнем конце вела на узкую лестницу, застеленную яркой, цветастой ковровой дорожкой.

Он неторопливо поднялся на второй этаж и открыл первую попавшуюся дверь. За ней находилась комната с окнами на улицу. Здесь было жарко и душно, и Уилл распахнул стеклянную дверь на балкон, чтобы впустить внутрь ночной воздух. Само помещение было тесноватым и бедным, обставленным чересчур громоздкой мебелью, но в нем царили чистота и порядок. Наверное, хозяева кафе были радушными, гостеприимными людьми. Уилл увидел полочку с книгами, журнал на столе и несколько фотографий в рамках.

Он вышел и осмотрел другие комнаты: крошечную ванную, спальню с двойной кроватью.

Когда он взялся за ручку последней двери, по его коже внезапно пробежали мурашки. Сердце лихорадочно забилося. То ли за дверью раздался какой-то звук, то ли что-то другое подсказало ему, что эта комната не пуста. Как странно, подумал он, этот день начался с того, что он сам прятался в темной комнате от человека снаружи, а теперь роли переменялись...

И пока он стоял, раздумывая, как быть, дверь вдруг распахнулась и что-то бросилось на него, словно дикое животное.

Но память уже предостерегла Уилла, и он стоял не настолько близко, чтобы его сразу же сбили с ног. Он дрался отчаянно: коленом, головой, кулаком, пустив в ход всю свою силу, чтобы оторвать от себя его или ее...

Девочку примерно одного с ним возраста, в грязной одежде, со свирепым рычанием вцепившуюся в него тоненькими голыми руками.

Она в тот же миг осознала, на кого накинута, и отпрянула от его голой груди, съехавшись в углу полутемной лестничной площадки, точно загнанная кошка. К его удивлению, рядом с ней и впрямь очутилась кошка – точнее, большой дикий кот ростом ему по колено, со вздыбленной шерстью, оскаленными зубами и торчащим вверх хвостом.

Она положила руку на спину коту и облизнула сухие губы, следя за каждым его движением.

Уилл медленно поднялся.

– Ты кто?

– Лира Сирин, – сказала она.

– Ты здесь живешь?

– Нет, – сердито отрезала она.

– Тогда что это за место? Что это за город?

– Не знаю.

– Откуда ты пришла?

– Из своего мира. Соседнего с этим. А где твой деймон?

Его глаза расширились. Потом он увидел, как с котом произошло нечто поразительное: прыгнув ей на руки, он вдруг переменял облик. Теперь это был горноста́й в красно-коричневой летней шубке с кремовым горлом и брюшком, смотревший на Уилла так же свирепо, как и сама девочка. И тут ситуация изменилась еще раз: внезапно Уилл понял, что оба они, девочка и горноста́й, бояться его не меньше, чем испугались бы, встретив вместо него настоящее привидение.

– У меня нет никакого деймона, – ответил он. – Я не понимаю, о чем ты говоришь. – И потом: – А! Так это и есть твой деймон?

Она медленно встала с пола. Горноста́й обвился вокруг ее шеи и ни на секунду не сводил с Уилла черных глазок.

– Но ты ведь живой, – сказала она недоверчиво. – Ты же... Тебя ведь не...

– Меня зовут Уилл Парри, – сказал он. – Я не знаю, что ты имеешь в виду, когда говоришь о деймонах. В моем мире есть слово «демон», но по-нашему... по-нашему это дьявол, злое существо.

– В *твоем* мире? Ты хочешь сказать, что этот мир не твой?

– Нет. Я просто отыскал... дорогу сюда. Наверное, мой мир тоже соседний.

Она слегка успокоилась, но все еще напряженно следила за ним, а он по-прежнему старался не напугать ее резким движением или словом, точно она была дикой кошкой, с которой он хотел подружиться.

– Ты видела в этом городе кого-нибудь еще? – спросил он.

– Нет.

– Давно ты здесь?

– Не знаю. Несколько дней. Точно не помню.

– Так зачем ты сюда пришла?

– Я ищу Пыль, – сказала она.

– Ищешь пыль? Какую пыль? Золотой песок, что ли?

Она прищурилась и ничего не ответила. Он повернулся к лестнице.

– Я есть хочу, – сказал он. – На кухне найдется какая-нибудь еда?

– Не знаю, – откликнулась она и пошла за ним, держась на приличном расстоянии.

В кухне Уилл обнаружил курицу, лук и сладкий перец – из всего этого можно было бы состряпать вкусное блюдо, но из-за жары сырые продукты успели подпортиться и плохо пахли. Он выбросил их в мусорное ведро.

– Ты сама хоть что-нибудь ела? – спросил он, открывая холодильник.

Лира тоже подошла посмотреть.

– Я не знала, что это за штука, – сказала она. – Ой! Там холодно...

Ее деймон снова изменился, превратившись в гигантскую, ярко окрашенную бабочку, которая впорхнула в холодильник и тут же вылетела обратно, усевшись девочке на плечо. Потом она медленно расправила и опять сложила крылышки. Уилл почувствовал, что ему не следует на это глазеть, хотя все происходящее было так странно, что у него голова шла кругом.

– Ты что, никогда раньше не видала холодильника? – спросил он.

Найдя банку кока-колы, он отдал ее Лире, а сам взял с полки упаковку яиц. Она с удовольствием сжала банку руками.

– Ну давай, пей, – сказал он.

Нахмурившись, девочка посмотрела на банку.

Она не знала, как ее открыть. Уилл дернул за колечко, и наружу полезла пена. Лира недоверчиво попробовала жидкость на язык, и ее глаза широко раскрылись.

– Это можно пить? – спросила она голосом, в котором звучали одновременно надежда и страх.

– Да. Очевидно, в этом мире тоже есть кока. Смотри, сейчас я попробую, и ты убедишься, что это не яд.

Он открыл другую банку. Когда он стал пить из нее, девочка последовала его примеру. Ее явно мучила жажда. Она выпила всю кока-колу так быстро, что газ ударил ей в нос; она фыркнула и громко рыгнула, а когда он посмотрел на нее, ответила ему мрачным взглядом.

– Пожалуй, я сделаю омлет, – сказал он. – Будешь?

– Я не знаю, что такое омлет.

– Ладно, сейчас увидишь. А может, тебе больше нравится консервированная фасоль?

– Я не знаю, что такое консервированная фасоль.

Он протянул ей банку с фасолью. Она стала искать колечко, такое же, как на банке с кока-колой.

– Нет, для этой нужна открывалка, – сказал он. – Неужели в вашем мире нет открывалок?

– В нашем мире еду готовят слуги, – с презрением сказала она.

– Посмотри вон там, в ящике.

Она принялась рыться среди столовых принадлежностей, а он вылил в миску шесть яиц и взбил их вилкой.

– Вот она, – сказал он, взглянув в сторону Лир. – С красной ручкой. Давай ее сюда.

Он проделал в банке дырку и показал девочке, как открывать дальше.

– Теперьними с крючка вон ту кастрюльку и выложи фасоль туда, – скомандовал он.

Лира понюхала содержимое банки, и в ее глазах снова появилось выражение удовольствия, смешанного с опаской. Она опорожнила банку в кастрюлю и облизала палец, наблюдая, как Уилл добавляет в яичницу соль с перцем, достает из холодильника пачку масла, отрезает кусочек и кидает его на чугунную сковородку. Потом он вышел в бар за спичками, а когда вернулся, Лира уже обмакнула свой грязный палец в миску со взбитыми яйцами и жадно его облизывала. Ее деймон, снова превратившийся в кота, тоже пытался запустить туда лапу, но отскочил, увидев Уилла.

– Они еще не готовы, – сказал Уилл, отбирая миску. – Когда ты в последний раз нормально ела?

– Это было в доме моего отца на Свальбарде, – ответила она. – Много дней назад. Не знаю точно сколько. А здесь я нашла хлеб и еще кое-что.

Он зажег плиту, растопил масло, вылил яйца на сковородку и повернул ее так, чтобы они растеклись по дну равномерно. Лира жадно следила за тем, как он отгребает яичницу от центра, собирая ее в мягкие складочки, и наклоняет сковородку, чтобы заполнить жидкостью образовавшуюся пустоту. Она наблюдала и за ним самим, глядя на его лицо, на егодвигающиеся руки и голые плечи и даже на ноги.

Когда омлет был готов, Уилл сложил его вдвое и разделил пополам лопаткой.

– Найди пару тарелок, – сказал он, и Лира послушно сделала то, что ей велели.

Похоже, она охотно выполняла распоряжения, если считала их разумными, и он попросил ее пойти и вытереть какой-нибудь столик перед кафе. Сам он взял еду, захватил ножи и вилки из ящика, и они вместе сели ужинать, испытывая легкую неловкость.

Она проглотила свою порцию меньше чем за минуту и принялась ерзать на стуле: то покачивалась на нем взад и вперед, то отковыривала от плетеного сиденья кусочки пластика, с нетерпением дожидаясь, когда Уилл кончит есть. Ее деймон преобразился в щегла и клювом подбирал со стола невидимые крошки.

Уилл ел медленно. Он отдал Лире большую часть фасоли, но она все равно управилась с ужином гораздо раньше его. Гавань перед ними, фонари на пустом бульваре, звезды в темном небе над головой – все было погружено в пугающую тишину, как будто на свете больше ничего не существовало.

И все это время он не переставал думать о сидящей рядом девочке. Она была невысокой и худенькой, но сильной: она дралась как лев, и от кулака Уилла у нее на щеке вскочил синяк, но она не обращала на это внимания. Ее лицо умело выражать самые разные чувства – от детского восторга в тот момент, когда она впервые попробовала кока-колу, до глубокой настороженной грусти. Глаза у нее были голубые, а волосы, если их отмыть, наверное, оказались бы светлыми; сейчас же она была невероятно грязна, и от нее пахло так, словно она не мылась по крайней мере неделю.

– Лора? Лара? – сказал Уилл.

– Лира.

– Лира... Сирин?

– Да.

– Где твой мир? Как ты сюда попала?

Она пожала плечами.

– Пришла пешком, – сказала она. – Все кругом было в тумане. Я не различала дороги. Во всяком случае я знала, что покидаю *свой* мир. Но толком ничего не видела, пока туман не рассеялся. А потом я оказалась здесь.

– Что ты говорила насчет пыли?

– Насчет Пыли? Я должна все про нее выяснить. Но этот мир, похоже, пустой. Даже спросить некого. Я здесь уже... по-моему, дня три, а то и четыре. И еще никого не встретила.

– А зачем тебе выяснять что-то про пыль?

– Это особая Пыль, – коротко ответила она. – Ясно же, что не обычная.

Деймон изменился снова. Это произошло в мгновение ока, и вместо щегла на столе появилась крыса – огромная, черная как смоль, с красными глазками. Уилл смотрел на нее не отрываясь, и девочка заметила его встревоженный взгляд.

– У тебя тоже есть деймон, – решительно заявила она. – Только внутри.

Он не нашелся с ответом.

– Да-да, – продолжала она, – иначе ты не был бы человеком. Ты был бы... наполовину мертвый. Мы видели мальчика, у которого отрезали деймона. Ты совсем не такой. Пусть ты об этом не знаешь, но у тебя все равно есть деймон. Сначала мы испугались, когда тебя увидели. Как будто ты ночная жуть или вроде того. Но потом мы поняли, что с тобой все в порядке.

– Мы?

– Я и Пантелеймон. Мы. Твой деймон не существует отдельно от тебя. Он – это ты. Часть тебя. Каждый из вас – часть другого. Неужели в вашем мире совсем нет таких, как мы? Неужели там все такие, как ты, со спрятанными деймонами?

Уилл посмотрел на эту пару – худощавую светлоглазую девочку и ее деймона в виде крысы, который теперь уже сидел у нее на руках, – и вдруг остро ощутил свое одиночество.

– Я устал. Пойду спать, – сказал он. – Ты собираешься остаться в этом городе?

– Не знаю. Мне надо побольше узнать о том, что я ищу. В этом мире должны быть ученые. Должен же быть хоть кто-нибудь, кто об этом знает.

– Здесь – не обязательно. Но я пришел сюда из города, который называется Оксфордом. Если тебе нужны ученые, там их столько, что хоть пруд пруди.

– Оксфорд? – воскликнула она. – Так ведь я тоже оттуда!

– Значит, и в твоём мире есть Оксфорд? Ты же не из моего мира!

– Конечно, – решительно сказала она. – Мы из разных миров. Но у нас тоже есть Оксфорд. Мы оба говорим по-английски, правильно? Нечего удивляться, если сходство между нашими мирами на этом не кончается. Как ты сюда пробрался? Нашел мост или что-нибудь в этом роде?

– Что-то вроде окна в воздухе.

– Покажи.

Это была не просьба, а требование. Но он покачал головой.

– Не сейчас, – ответил он. – Я хочу спать. Между прочим, уже глубокая ночь.

– Тогда покажи мне его утром!

– Ладно, договорились. Но мне тоже надо кое-что сделать. Так что тебе придется искать ученых самой. Сможешь?

– Запросто, – сказала она. – Про ученых я знаю все.

Он сложил тарелки и поднялся.

– Я приготовил ужин, – сказал он, – а ты помой посуду.

Она поглядела на него, будто не веря своим ушам.

– Мыть посуду? – презрительно бросила она. – Да вокруг целые горы чистой! И вообще, я тебе не служанка. Не буду я ничего мыть.

– Тогда я не покажу тебе, как попасть в мой мир.

– Я и сама найду.

– Не получится, окно спрятано. Ты его никогда не отыщешь. Слушай. Я не знаю, сколько еще нам придется пробыть в этом месте. Нам нужно чем-то питаться, и мы будем есть то, что найдем, но после этого мы должны все убирать и следить за чистотой, потому что так полагается. Ты вымоешь эти тарелки. Мы должны вести себя здесь прилично. А теперь я иду спать. Я займу другую комнату. Увидимся утром.

Он отправился в дом, почистил зубы пальцем (в его потрепанной сумке нашлись остатки зубной пасты), упал на двойную кровать и заснул в один миг.

Лира ждала за столиком до тех пор, пока не решила, что Уилл уже наверняка спит. Потом она отнесла тарелки в кухню, пустила воду в раковине и принялась старательно оттирать их тряпочкой. Когда они заблестели, она проделала то же самое с ножами и вилками, но сковородка из-под омлета не хотела отмываться просто так: Лире пришлось пустить в ход кусок желтого мыла и как следует потрудиться, чтобы довести ее до терпимого вида. После этого она протерла всю посуду полотенцем и аккуратно разложила на сушильной доске.

Поскольку ей опять захотелось пить и было интересно, справится ли она с банкой сама, Лира достала из холодильника еще одну кока-колу, открыла ее и взяла с собой наверх. Она постояла под дверью Уилла и, ничего не услышав, на цыпочках прошла в соседнюю комнату и вынула из-под подушки алетиметр.

Ей не нужно было находиться рядом с Уиллом, чтобы спросить о нем, но она поддалась любопытству и повернула ручку его двери как можно тише, прежде чем войти туда.

Окно в этой комнате смотрело прямо на набережную, и в рассеянном свете фонарей, отраженном от потолка, Лира стала разглядывать спящего мальчика. Его брови были нахмурены, а лицо блестело от пота. Он был силен и крепок – конечно, его фигура еще не сформировалась, как у взрослого мужчины, потому что он едва ли намного обогнал ее по возрасту, но было ясно, что когда-нибудь он станет по-настоящему могучим. Насколько было бы легче, если бы его деймон был виден! Она попыталась угадать, как он мог бы выглядеть и принял ли он уже окончательный вид. Каким бы ни был этот деймон, он должен был воплощать собой натуру необузданную, но вежливую – и несчастную.

Девочка тихонько подошла к распахнутому окну. При свете уличного фонаря она тщательно установила стрелки алетиметра и расслабилась, прогнав из сознания все мысли, кроме одного вопроса. Главная стрелка тут же начала вращаться, то дергаясь, то останавливаясь так быстро, что за ней почти невозможно было уследить.

Лира спросила: *Кто он? Друг или враг?*

Алетиметр ответил: *Он убийца.*

Увидев этот ответ, она сразу же отбросила все свои тревоги. Пусть он умеет находить еду и знает дорогу в Оксфорд – это полезно, однако он все равно мог бы оказаться трусом или человеком, на которого нельзя положиться. Но убийца – надежный спутник. Теперь ей было с ним так же спокойно, как с Йореком Бирнисоном, бронированным медведем.

Она задернула штору, чтобы лучи утреннего солнца не ударили мальчику в лицо, и на цыпочках выбралась из комнаты.

Глава вторая Среди ведьм

Ведьма Серафина Пеккала – та самая, что вызволила Лиру и других детей с экспериментальной станции в Больвангаре и отправилась с ней на остров Свальбард, – была сильно обеспокоена.

Из-за атмосферных возмущений, сопровождавших побег лорда Азриэла со Свальбарда, куда он был сослан, Серафина Пеккала вместе с прочими ведьмами очутилась за много километров от острова, над просторами замерзшего моря. Некоторым ее спутницам удалось удержаться рядом с поврежденным воздушным шаром Ли Скорсби, техасского аэронавта, но Серафину зашвырнуло в самую гущу тумана, который повалил из дыры в небе, проделанной лордом Азриэлом в ходе его эксперимента.

Когда к ней вернулась способность контролировать свой полет на ветке облачной сосны, она первым делом подумала о Лире: ведь она ничего не знала ни о поединке между незаконным медвежьим королем и истинным, Йореком Бирнисоном, ни о том, что случилось с Лирой после этого поединка.

Поэтому она начала искать ее, летая по хмурому, подернутому золотистой дымкой небу в сопровождении своего деймона, арктического гуся Кайсы. Они повернули обратно к Свальбарду и чуть южнее, пролетав несколько часов в заоблачных высотах среди странных сполохов и теней. По необычному оттенку света, который ложился на ее кожу, Серафина догадалась, что он проник сюда из иного мира.

Через некоторое время Кайса сказал:

– Гляди! Деймон ведьмы – похоже, он потерялся...

Серафина Пеккала повернула голову и увидела в прогалинах призрачного света меж клочьями тумана крачку, которая описывала круги и жалобно кричала. Они с Кайсой полетели туда. Заметив их приближение, деймон в облике крачки испуганно рванулся ввысь, но Серафина Пеккала сделала дружеский жест, и он снизился снова.

– Из какого ты клана? – спросила Серафина.

– Из клана Таймыр, – ответил тот. – Мою ведьму взяли в плен... а наших спутниц прогнали! Я заблудился...

– Кто взял в плен твою ведьму?

– Женщина с деймоном-обезьяной из Больвангара... Помогите мне! Помогите нам! Мне так страшно!

– Ваш клан был в союзе с деторезами?

– Да, пока мы не поняли, чем они занимаются... После битвы в Больвангаре нас разогнали, а моя ведьма осталась у них пленницей... Ее держат на корабле... Что мне делать? Она зовет меня, а я не могу ее найти! Прошу вас, помогите!

– Успокойся, – сказал деймон-гусь Кайса. – Послушаем, что делается внизу.

Они скользнули в толщу тумана над поверхностью моря, наострили уши, и вскоре Серафина Пеккала различила приглушенный рокот газолинового двигателя.

– Корабль не может не сбиться с курса в таком тумане, – сказал Кайса. – Что они делают?

– Это маленький двигатель, – заметила Серафина Пеккала, и не успела она договорить, как с другой стороны раздался новый звук – низкий, душераздирающий вой, похожий на зов гигантского морского животного. Через несколько секунд этот оглушительный вой внезапно оборвался.

– Корабельная сирена, – сказала Серафина Пеккала.

Они спустились к самой воде и снова прислушались, пытаясь уловить, откуда доносится шум двигателя. И вдруг они нашли его источник: плотность тумана в разных местах была неодинаковой, и когда в полупрозрачной дымке показался силуэт медленно ползущего баркаса, ведьма едва успела метнуться прочь, чтобы выскочить за пределы видимости. По морю катились низкие, пологие волны, словно воде было лень шевелиться по-настоящему.

Все трое взяли вбок и выше – деймон-крачка держался поближе к Серафине и Кайсе, точно ребенок, который потерял мать, – и увидели, как рулевой слегка изменил курс, ориентируясь на вновь прозвучавшую сирену. На носу баркаса горел прожектор, но он освещал лишь несколько метров тумана впереди.

– Так ты говоришь, что некоторые ведьмы до сих пор помогают этим людям? – спросила Серафина Пеккала у потерявшегося деймона.

– По-моему, да: горсточка перебежчиц из Вольгорского клана, если они еще не сбежали вслед за остальными, – ответил тот. – Что вы собираетесь делать? Будете искать мою ведьму?

– Да. Но ты пока подожди с Кайсой.

Серафина Пеккала подлетела к баркасу – деймоны скрылись позади, в тумане, – и опустилась на корму прямо за спиной у рулевого. Его деймон, чайка, хрипло каркнул, и матрос обернулся.

– Где ты пропадаешь? – спросил он. – Лети вперед и показывай, как нам подойти к левому борту.

Она тут же снялась с места. Ее замысел сработал: какие-то ведьмы действительно еще помогали им, и рулевой принял ее за одну из них. На левом борту корабля должен гореть красный сигнальный огонь, припомнила она. Пролетав в тумане минуту-другую, она заметила его тусклый свет не больше чем в сотне метров от баркаса. Она метнулась назад и, зависнув над кормой, стала подсказывать рулевому направление, а он, снизив скорость своего суденышка до самой малой, подвел его к бортовому трапу, спущенному почти до поверхности воды. Рулевой крикнул; сверху сбросили канат, и матрос с корабля полез по трапу вниз, чтобы закрепить его на баркасе.

Серафина Пеккала подлетела к палубе корабля и спряталась в тени спасательных шлюпок. Вокруг не было видно других ведьм, но они, возможно, несли вахту в воздухе; Серафина надеялась, что Кайсу не застанут врасплох.

Тем временем на корабль начал подниматься пассажир с баркаса. Это был неизвестный в меховой шубе с капюшоном, но когда он добрался до палубы, на поручни легко прыгнул его деймон в виде золотой обезьяны. Деймон стал озиаться по сторонам, и самый взгляд его черных глазок, казалось, излучал ненависть. У Серафины перехватило дыхание: она узнала миссис Колтер.

Спешащий ей навстречу человек в темной одежде чуть замедлил шаг, точно ожидал, что гостя появится не одна.

– Лорд Бореал... – начал он.

– Ему пришлось уехать в другое место, – оборвала его миссис Колтер. – Пытку уже начали?

– Да, миссис Колтер, – был ответ, – но...

– Я же велела подождать, – резко бросила она. – Они что, пропустили мой приказ мимо ушей? По-моему, у вас на корабле явно не хватает дисциплины.

Она откинула капюшон. Серафина Пеккала ясно видела в желтом свете ламп ее лицо – гордое, разгневанное и, на взгляд ведьмы, совсем еще юное.

– Где остальные ведьмы? – требовательно спросила она.

Человек с корабля ответил:

– Все улетели, мадам. Отправились к себе на родину.

– Но какая-то ведьма показывала дорогу нашему баркасу, – удивилась миссис Колтер. – Куда она пропала?

Серафина съезжилась в своем укрытии: очевидно, рулевой с баркаса не знал, что положение дел изменилось. Озадаченный церковник огляделся, но миссис Колтер снесла нетерпение; быстро окинув взглядом палубу, она покачала головой и вместе со своим демоном поспешила в открытую дверь, откуда лился желтый свет. Человек в темном пошел за ней.

Серафина Пеккала осмотрелась, чтобы оценить ситуацию. Она пряталась за вентилятором в узком коридоре между поручнями и центральной надстройкой корабля, и на этом же уровне, ниже рубки и дымовой трубы, находилась кают-компания. Ее окна – настоящие, а не иллюминаторы – располагались не только по бортам, но и впереди. Именно в это помещение вошли те, чей разговор она слышала. Из окон струился густой свет; в его лучах блестели капли влаги на поручнях и смутно вырисовывались фок-мачта и закрытый брезентом люк. Все вокруг было мокрым, хоть выжимай, и потихоньку начинало покрываться ледяной коркой. Никто не мог заметить Серафину в ее убежище, но если она хотела услышать больше, ей нужно было его покинуть.

Серафина понимала, что радоваться здесь нечему. С веткой облачной сосны в руках она могла улететь, а с ножом и луком – обороняться. Спрятав свою ветку за вентилятором, она подкралась к ближайшему из окон кают-компания. Оно запотело от холода, и ведьма ничего не увидела; голосов тоже не было слышно. Она снова отступила в тень.

В ее арсенале имелось одно средство, к которому она могла прибегнуть. Она медлила, потому что это было связано с большим риском и к тому же требовало от нее гигантской затраты сил; но деваться, похоже, было некуда. С помощью своего рода магии Серафина могла стать невидимой. Конечно, обернуться настоящим невидимкой нельзя: суть этого якобы волшебного метода заключалась в том, чтобы путем огромного напряжения сделать себя незаметным для посторонних глаз. Превратившись в такую «сверхскромницу» и не теряя необходимой концентрации, Серафина могла пересечь комнату, полную людей, или пройти мимо одинокого путника и при этом остаться незамеченной.

Приняв решение, ведьма целиком сосредоточилась на одной мысли, стараясь изменить свою манеру держаться таким образом, чтобы не привлекать ни малейшего внимания окружающих. Лишь через несколько минут она почувствовала, что ей это удалось. Для проверки Серафина выбралась из своего укромного уголка и зашагала прямо навстречу матросу, который шел по палубе с сумкой, набитой инструментами. Он посторонился, освобождая ей дорогу, но даже не взглянул на нее.

Итак, все было готово. Ведьма приблизилась к двери, ведущей в залитую ярким светом кают-компанию, открыла ее и обнаружила, что комната пуста. Оставив дверь на палубу приоткрытой, чтобы в случае чего легче было сбежать, она прошла в дверь, расположенную в дальнем конце комнаты, и увидела за ней лесенку, которая вела в глубь корабля. Ведьма спустилась по ее ступеням и попала в узкий коридор; по его потолку тянулись выкрашенные в белый цвет трубы, а на стенах горели антарные лампы. Коридор пронизывал весь корабль насквозь, и по обеим его сторонам были двери внутренних помещений.

Серафина Пеккала медленно двинулась вперед, насторожив уши, и вскоре услышала голоса. Кажется, в одной из кают происходило нечто вроде совещания.

Она открыла нужную дверь и вошла внутрь.

В каюте, за большим столом, сидело около дюжины человек. Двое-трое из них на мгновение подняли глаза, рассеянно скользнули по ней взглядом и тут же забыли о ее существовании. Она тихонько встала у двери и принялась наблюдать. Руководил совещанием пожилой мужчина в кардинальской мантии. Все прочие, за исключением миссис Колтер, единственной женщины среди присутствующих, по-видимому, тоже были духовными лицами. Миссис Колтер сбросила свою меховую шубу на спинку стула; в недрах корабля было тепло, и на ее щеках выступил румянец.

Серафина осторожно огляделась и заметила, что в комнате есть еще один человек: узколицый, с деймоном-лягушкой, он сидел сбоку за столиком, на котором лежали книги в кожаном переплете и стопки пожелтевшей бумаги. Сначала она подумала, что это писарь или секретарь, но потом увидела, чем он занят: он напряженно вглядывался в какой-то золотой прибор, напоминающий большие карманные часы или компас, и время от времени отвлекался, чтобы записать результаты своих наблюдений. Потом он открывал одну из книг, старательно просматривал указатель, находил нужную справку, переписывал ее тоже и лишь после этого возвращался к своему прибору.

Услышав слово «ведьма», Серафина снова переключила внимание на беседу за столом.

– Ей что-то известно об этой девочке, – сказал один из церковников. – Она сама в этом призналась. Все ведьмы что-то о ней знают.

– Мне было бы любопытно услышать, что известно миссис Колтер, – промолвил Кардинал. – Возможно, ей еще раньше следовало кое о чем нам сообщить?

– Будьте добры выражаться яснее, – ледяным голосом отпаривала миссис Колтер. – Вы забываете, что я женщина, ваше преосвященство, и по тонкости ума мне не сравниться с князем церкви. Что же, по-вашему, я должна знать об этом ребенке?

Взгляд Кардинала, направленный на нее, был полон значения, но сам он ничего не ответил. После паузы другой священник произнес почти что извиняющимся тоном:

– Видимо, существует некое пророчество, миссис Колтер. Оно касается этой девочки. Все условия, при которых оно должно сбыться, выполнены. В первую очередь, это обстоятельства ее рождения. Цыгане тоже видят в ней что-то сверхъестественное: толкуют о ведьмином масле, блуждающих огоньках и прочей небывальщине, – вот почему ей удалось привести их в Больвангар. А разве такой невероятный подвиг, как свержение медвежьего короля Йофура Ракнисона, под силу обыкновенному ребенку? Возможно, брат Павел расскажет нам еще что-нибудь...

Он посмотрел на узколицего клирика с алетиметром; тот поморгал, потер глаза и взглянул на миссис Колтер.

– Да будет вам известно, что это последний уцелевший алетиметр, если не считать того, который находится во владении ребенка, – сказал он. – Все остальные были выкуплены и уничтожены по распоряжению Магистериума. С помощью этого прибора я выяснил, что девочка получила свой от главы Иордан-колледжа, сама разобралась в его устройстве и теперь умеет пользоваться им, не прибегая к специальным книгам. Если бы можно было усомниться в показаниях алетиметра, я бы это сделал, поскольку общение с алетиметром без книг для меня невыносимо. Даже минимальное освоение его возможностей требует от человека десятков лет упорного труда. Она же научилась понимать свой прибор через считанные недели после того, как впервые взяла его в руки, а теперь достигла в этом чуть ли не вершин мастерства. Насколько я знаю, на такое не способен ни один нормальный ученый, если, конечно, он не волшебник.

– Где она сейчас, брат Павел? – спросил Кардинал.

– В другом мире, – сказал брат Павел. – Мы уже опоздали.

– Ведьма что-то знает! – воскликнул другой священник, чей демон, мускусная крыса, не отрываясь глодал карандаш. – Все сходится; нам не хватает только ее признания! Я считаю, что надо продолжить пытку!

– Так что же это за пророчество? – вмешалась миссис Колтер, едва сдерживая раздражение. – Как вы смеете утаивать его от меня?

Ее власть над присутствующими была очевидна. Золотая обезьяна обвела стол грозным взором, и никто не отважился посмотреть ей в глаза.

Один Кардинал не дрогнул. Его демон, макао, поднял лапу и почесался.

– Ведьма намекнула на нечто из ряда вон выходящее, – произнес Кардинал. – У меня не хватает духу поверить ей. Если то, что я думаю, – правда, это налагает на нас самую страшную ответственность, какая только выпадала на долю сынов и дочерей человеческих. Но я спрашиваю вас снова, миссис Колтер: что *вам* известно об этой девочке и ее отце?

Лицо миссис Колтер побелело от ярости.

– Да как вы смеете меня допрашивать? – выплонула она. – И как вы смеете утаивать от меня то, что узнали от ведьмы? И наконец, как вы смеете предполагать, что я скрываю что-то от вас? По-вашему, я на ее стороне? А может, вы считаете, что я на стороне ее отца? Наверное, вам хотелось бы подвергнуть меня пытке, как эту ведьму. Что ж, вы здесь командуете, ваше преосвященство. Вам достаточно лишь щелкнуть пальцами, и меня тут же разорвут на кусочки. Но даже если потом вы изучите каждый кусочек, который от меня останется, вы не найдете нужного вам ответа, потому что я ровным счетом ничего не знаю об этом пророчестве. И я требую, чтобы вы сообщили мне, что известно *вам*. Это мой ребенок, мое собственное дитя, зачатое в грехе и рожденное в позоре, но все же моя плоть и кровь – и вы скрываете от меня то, что я имею полное право знать!

– Пожалуйста, – встревоженно произнес другой священник, – пожалуйста, успокойтесь, миссис Колтер. Ведьма еще не сказала ничего определенного: мы должны узнать от нее больше. Сам Кардинал Старрок говорит, что она только намекнула на какую-то тайну.

– А если она так и не откроет ее до конца? – воскликнула миссис Колтер. – Что тогда? Будем строить догадки? Будем сидеть, дрожать и гадать на кофейной гуще?

– Нет, потому что я собираюсь поставить этот вопрос перед алетиметром, – сказал брат Павел. – Мы обязательно получим ответ – или от ведьмы, или от книг с толкованиями.

– И сколько времени это займет?

Он устало поднял брови и сказал:

– Порядочно. Это чрезвычайно сложный вопрос.

– Но ведьма может ответить нам на него сейчас же, – заявила миссис Колтер.

И она поднялась на ноги. Словно в страхе перед ней, большинство мужчин поднялись тоже. Только Кардинал и брат Павел не тронулись с места. Серафина Пеккала отступила назад, отчаянно стараясь оставаться невидимой. Золотая обезьяна оскалила зубы, и вся ее шерсть поднялась дыбом.

Миссис Колтер подхватила своего рассерженного демона и усадила его к себе на плечо.

– Так пойдем и спросим ее, – сказала она.

С этими словами она повернулась и быстро вышла в коридор. Мужчины поспешили следом, суется и проталкиваясь мимо Серафины Пеккала, которая едва успела посторониться; в ее мыслях царил настоящий хаос. Последним каюту покинул Кардинал.

Серафина помедлила несколько секунд, чтобы сосредоточиться: возбуждение могло сделать ее заметной. Затем она пошла за всеми по коридору, а оттуда свернула в другую каюту, поменьше. Здесь было пусто, светло и жарко, и все священники столпились вокруг ужасной фигуры посередине – ведьмы, крепко привязанной к железному стулу, с искаженным от боли лицом и вывернутыми, сломанными ногами.

Миссис Колтер стояла над ней. Серафина заняла место у двери, чувствуя, что не сможет долго оставаться невидимой: это отнимало слишком много сил.

– Расскажи нам о девочке, ведьма, – потребовала миссис Колтер.

– Нет!

– Ты будешь страдать.

– Я уже довольно страдала.

– Но тебе придется страдать гораздо больше. У нашей Церкви тысячелетний опыт. Мы можем длить твои страдания до бесконечности. Расскажи нам о девочке, – повторила миссис Колтер и, взяв ведьму за руку, отогнула ей палец. Раздался треск.

Ведьма вскрикнула от боли, и на целую секунду Серафина Пеккала стала видна всем; один-двое священников посмотрели на нее с испугом и удивлением, но она сумела восстановить концентрацию, и они отвернулись опять. Тем временем миссис Колтер продолжала:

– Если ты не будешь отвечать, я сломаю тебе еще один палец, а потом еще. Что ты знаешь об этом ребенке? Говори.

– Хорошо! Пожалуйста, прошу вас, не надо больше!

– Так отвечай же.

Снова послышался леденящий душу треск, и на этот раз ведьму сотрясли рыдания. Серафина Пеккала еле удержалась от того, чтобы броситься вперед. Потом из груди ведьмы, на крике, вырвалось:

– Нет, нет! Я скажу вам! Прошу, не надо больше! Ребенок, который должен был прийти... Ведьмы слышали о ней давно, раньше вас... Мы узнали ее имя...

– Мы знаем ее имя. О каком имени ты говоришь?

– О ее подлинном имени! Оно раскрывает ее предназначение!

– Что это за имя? Говори! – сказала миссис Колтер.

– Нет... нет...

– И как? Как вы его узнали?

– По испытанию... Было предсказано: тот, кто сможет выбрать нужную ветку облачной сосны из множества других, и будет ребенком, который должен прийти, и это случилось в доме нашего Консула в Троллезунде, когда эта девочка явилась туда с цыганами... Дитя с медведем...

Она обессиленно замолкла.

Миссис Колтер издала нетерпеливое восклицание; Серафина услышала очередной громкий треск, а за ним стон.

– Но что гласит пророчество об этом ребенке? – продолжала миссис Колтер металлическим голосом, в котором звенела страсть, но не было и следа сострадания. – И что это за имя, говорящее о ее предназначении?

Серафина Пеккала придвинулась ближе к священникам, плотно обступившим плененную ведьму, и ни один из них не заметил, что она стоит буквально в шаге от них. Она понимала, что должна немедленно прекратить страдания мученицы, но надо было по-прежнему оставаться невидимой, а это стоило ей огромного напряжения. Взявшись за нож у своего пояса, она почувствовала, как дрожит рука. Ведьма рыдала:

– Она – та, что уже приходила когда-то, и вы ненавидели и боялись ее с тех самых пор! А теперь она пришла снова, и вам не удалось найти ее... Она была там, на Свальбарде, – была с лордом Азриэлом, но вы ее потеряли. Она сбежала, и она будет...

Но она не успела закончить, потому что ее прервали.

В открытую дверь впорхнула крачка, обезумевшая от ужаса; она упала на пол, судорожно захлопав крыльями, но потом снова взлетела и бросилась на грудь измученной ведьме. Она прижималась к ней, ласкаясь, тычась в нее клювом, отчаянно щебеча, и ведьма взмолилась в иступлении:

– Ямбе-Акка! Приди ко мне, приди!

Никто, кроме Серафины, не понял этой мольбы. Ямбе-Аккой звали богиню, которая приходила ко всякой ведьме перед ее смертью.

И Серафина не заставила себя ждать. Она тут же стала видимой и шагнула вперед со счастливой улыбкой, потому что Ямбе-Акка была весела и беззаботна, а ее визиты приносили радость. Ведьма увидела ее и подняла залитое слезами лицо, и Серафина наклонилась поцеловать умирающую и бережно вонзила свой нож ей в сердце. Деймон-крачка глянул на нее помутившимися глазами и исчез.

Теперь Серафине Пеккала предстояло с боем пробиваться наружу.

Ошеломленные священники застыли на месте, но миссис Колтер совлала с растерянностью почти мгновенно.

– Хватайте ее! Не дайте ей уйти! – выкрикнула она, но Серафина уже стояла на пороге, натягивая тетиву. Она вскинула лук и пустила стрелу меньше чем за секунду, и Кардинал рухнул на пол, хрипя и дергая ногами.

Прочь из каюты, по коридору на лестницу, разворот, стрела, пуск; и еще один человек упал, и весь корабль уже наполнился дребезжащим звоном колокола.

Вверх по лестнице и на палубу. Двое матросов преградили ей путь, и она крикнула: «Там, внизу! Пленница вырвалась на свободу! Бегите за помощью!»

Этого хватило, чтобы озадачить их, и пока они нерешительно переглядывались, она проскользнула мимо и схватила ветку облачной сосны, спрятанную за вентилятором.

– Стреляйте в нее! – послышался сзади крик миссис Колтер.

Раздался залп сразу из трех винтовок, пули от ricoшетили от металла и с визгом унеслись в туман, а Серафина вскочила на ветку и послала ее вверх, как одну из своих стрел. Через несколько секунд она была уже в воздухе, в гуще тумана, невредимая, и скоро из серых клочьев вокруг вынырнул огромный гусь и полетел рядом с ней.

– Куда? – спросил он.

– Куда-нибудь, Кайса, лишь бы подальше отсюда, – ответила она. – Я хочу очистить свой нос от смрада этих людей.

Честно говоря, она и сама не знала, куда ей теперь лететь и что делать в первую очередь. Но одно Серафина Пеккала знала наверняка: в ее колчане есть стрела, которая рано или поздно затрепещет в горле миссис Колтер.

Они повернули на юг, чтобы оставить позади тревожные отблески иномирного света в тумане, и вопрос, смутно беспокоивший Серафину, постепенно приобрел в ее уме более четкую форму. Что замыслил лорд Азриэл?

Ведь как ни крути, а события, которые потрясли весь мир, начались с его таинственных экспериментов.

Трудность заключалась в том, что обычные источники ее знаний имели естественное происхождение. Она была способна выследить любого зверя, поймать любую рыбу, отыскать самые редкие ягоды; она умела понимать, о чем говорят внутренности куницы, могла извлечь мудрость, скрытую в чешуе окуня, и истолковать предостережения пыльцы крокуса, но все это были дети природы, и они говорили на ее естественном языке.

Чтобы узнать замыслы лорда Азриэла, ей нужно было прибегнуть к другим средствам. В порту Троллезунде жил их Консул доктор Ланселиус, поддерживающий связь с миром людей, и Серафина Пеккала понеслась туда сквозь туман в надежде услышать от него что-нибудь полезное. Прежде чем отправиться к нему, она сделала круг над гаванью и заметила внизу, среди призрачных струек тумана, ползущих по ледяной воде, большое судно с африканскими опознавательными знаками: лоцман как раз подводил его к берегу. Поодаль, на рейде, стояли еще несколько судов – она никогда не видела их здесь в таком количестве.

Короткий день уже угасал, когда ведьма спустилась вниз и приземлилась на заднем дворе консульского дома. Она постучала в окно, и сам доктор Ланселиус отворил ей дверь, прижав палец к губам.

– Приветствую тебя, Серафина Пеккала, – сказал он. – Входи поскорее и будь как дома. Но лучше бы тебе у меня не задерживаться. – Он усадил ее у камина, выглянув в щель между занавесками на окне, которое смотрело на улицу, и спросил: – Хочешь вина?

Она отпила немного золотистого токая и рассказала Ланселиусу о том, что видела и слышала на корабле.

– Как по-твоему, они поняли то, что она сказала о девочке? – спросил он.

– Думаю, только отчасти. Но они знают, что роль девочки очень важна. А эта женщина... я боюсь ее, доктор Ланселиус. Я намереваюсь убить ее, но она все равно внушает мне страх.

– Да, – сказал он, – и мне тоже.

И он поделился с Серафиной слухами, которыми был переполнен город. В тумане молвы стали постепенно вырисовываться кое-какие факты.

– Говорят, что Магистериум собирает самую огромную армию за все времена, и это лишь ее передовые отряды. А о некоторых солдатах ходят весьма тревожные слухи, Серафина Пеккала. Я знаю о Больвангаре и о том, что они там творили – отрезали у детей их деймонов, более ужасного преступления я не могу себе представить, – ну так вот, у них в армии, похоже, есть воины, с которыми обошлись таким же образом. Ты когда-нибудь слышала слово «зомби»? Они ничего не боятся, потому что у них нет души. Первые зомби уже появились в городе. Правительство их прячет, но информация просочилась наружу, и все жители перепуганы насмерть.

– А как обстоят дела с остальными ведьминскими кланами? – спросила Серафина Пеккала. – У тебя есть от них новости?

– Почти все вернулись на родину. Ведьмы ждут, Серафина Пеккала, – со страхом в сердце ждут дальнейших событий.

– А что слышно о церкви?

– Церковники в полном смятении. Они не знают, какие планы у лорда Азриэла.

– Я тоже этого не знаю, – сказала она, – и даже вообразить себе не могу. А как считаешь ты, доктор Ланселиус? Что он собирается делать?

Он ласково почесал большим пальцем голову своего деймона, змеи.

– Азриэл – ученый, – помолчав, сказал он, – но науку нельзя назвать его главной страстью. Не привлекает его и государственная деятельность. Однажды я встречался с ним, и мне показалось, что это могучая и пылкая натура; но он не деспот. Вряд ли он мечтает о власти... Не знаю, Серафина Пеккала. По-моему, на твой вопрос мог бы ответить его слуга. Это человек по имени Торольд, и он жил с лордом Азриэлом в ссылке, на Свальбарде. Пожалуй, тебе стоит слетать туда и расспросить его хорошенько – хотя он, конечно, мог уйти в другой мир вместе со своим хозяином.

– Спасибо. Это хорошая мысль... Так я и поступлю. Сейчас же отправляюсь туда.

Она распрощалась с Консулом и вылетела из его дома в сгустившуюся тьму. Наверху, в облаках, ее поджидал Кайса.

Полет Серафины на север был осложнен тем, что в мире вокруг царил настоящий хаос. Все арктические народы охватила паника; то же самое случилось и с животными, и не только из-за тумана и магнитных аномалий, но и потому, что лед вдруг стал трескаться, а почва пришла в движение. Казалось, будто сама земля, скованная вечной мерзлотой, постепенно пробуждается от долгой спячки.

Среди всей этой сумятицы, где сияющие лучи потустороннего света падали в прогалины между башнями из тумана и исчезали в мгновение ока, где стада овцебыков вдруг галопом пускались на юг, а затем так же неожиданно сворачивали к западу или обратно к северу, где

стройные вереницы гусей сбивались в бесформенные гогочущие кучки, потому что магнитные поля, по которым они ориентировались, вдруг начинали меняться странно и непредсказуемо, Серафина Пеккала выбрала нужный курс и полетела на север – туда, где на диких просторах Свальбарда высился замок, покинутый лордом Азриэлом.

Там она увидела его слугу Торольда: он отбивался от стаи напавших на него скальных мар.

Она заметила движение еще до того, как спустилась и разобралась в происходящем. Вихрь хлопающих кожаных крыльев, злое *як-як-як*, которое эхом отдавалось в заснеженном дворе, и одинокая фигура, закутанная в меха: человек стрелял из винтовки в гущу нападающих, а его деймон, худой пес, рычал и щелкал зубами, когда какая-нибудь из мерзких тварей проносилась поблизости.

Она не знала этого человека, но скальные мары были ее заклятыми врагами. Описав в воздухе дугу, она послала десяток стрел в самую свалку. С визгом и нечленораздельными воплями банда – слишком плохо организованная для того, чтобы называться отрядом, – рассыпалась и, обнаружив нового врага, ударилась в бегство. Минуту спустя небо снова стало чистым, а далекое *як-як-як* еще некоторое время отдавалось где-то в горах, прежде чем стихнуть совсем.

Серафина опустилась на утоптаный снег двора, весь в брызгах крови. Человек откинул капюшон, на всякий случай держа винтовку наготове, потому что не каждой ведьме можно было доверять, и Серафина увидела лицо пожилого мужчины – длинный подбородок, седые виски, спокойный взгляд.

– Я подруга Лиры, – сказала она. – Надеюсь, мы можем поговорить. Смотрите: я кладу лук на землю.

– Где девочка? – спросил он.

– В другом мире. Меня волнует ее безопасность. И мне надо знать, что сейчас делает лорд Азриэл.

Он опустил оружие и сказал:

– Ну что ж, милости прошу. Смотрите: я кладу винтовку.

Выполнив предписанный обычаем ритуал, они вошли внутрь. Кайса кружил над замком, наблюдая за окрестностями, и, пока Торольд варил кофе, Серафина рассказала ему о том, что связывает ее с Лирой.

– Она всегда была своенравным ребенком, – сказал Торольд, когда они уселись за дубовый стол, на который струила теплый свет гарная лампа. – Я встречался с нею почти каждый год, когда его светлость наезжал в колледж. Суцая сорвиголова, но она мне нравилась, имейте в виду. А какую роль она должна сыграть в судьбе мира – этого я не знаю.

– Какие планы были у лорда Азриэла?

– Неужто вы думаете, Серафина Пеккала, что он делился ими со мной? Я ведь всего лишь его слуга. Я готовлю ему еду, чищу его одежду и слежу за порядком в доме. Правда, за годы, прожитые с его светлостью, я кое-что понял, но только благодаря случайностям. Он откровенничает со мной не чаще, чем с кружкой для бритья.

– Тогда расскажите мне, что вы поняли благодаря случайностям, – попросила она.

Несмотря на свои лета, Торольд был силен и крепок, и ему, как всякому мужчине, льстило внимание молодой и красивой ведьмы. Впрочем, он был достаточно проницателен и понимал, что ее интересует не он сам, а сведения, которые он может ей сообщить; и вдобавок, он был честен, а потому не стал чересчур затягивать свой рассказ.

– Я не могу сказать вам точно, чем он занят, – ответил он Серафине, – поскольку вся философская сторона дела выше моего понимания. Но я могу сказать, что вдохновляет его светлость, хотя он и не знает, что мне это известно. Мою догадку подтверждают сотни разных мелочей. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но ведь у вас, ведьм, не такие боги, как у нас?

– Вы правы, не такие.

– Но вы знаете о нашем Боге? О Боге церкви, которого называют Властителем?

– Да, знаю.

– Так вот, лорд Азриэл никогда особенно не ладил с церковными догматами. Сколько раз я видел, как по его лицу пробегала гримаса отвращения, когда речь заходила о таинствах, спасении, искуплении и тому подобных вещах. У нас, людей, бросить вызов церкви означает верную смерть, Серафина Пеккала, но лорд Азриэл лелеял в своем сердце мечту о мятеже с тех пор, как я поступил к нему в услужение, и это я знаю наверняка.

– Мятеж против церкви?

– И против нее тоже. Было время, когда он думал победить ее силой, но потом он отказался от этой идеи.

– Почему? Церковь слишком могущественна?

– Нет, – ответил старый слуга, – это не остановило бы моего господина. А теперь послушайте: это может прозвучать для вас странно, Серафина Пеккала, но я знаю своего хозяина лучше, чем его могла бы знать любая жена, лучше, чем родная мать. Он был моим господином и давал мне пищу для размышлений добрых сорок лет. Я не могу следовать за его мыслью в заоблачные высоты, так же как не могу летать, но я вижу, куда он направляется, хотя пойти за ним мне не дано. Нет, сдаётся мне, что он отказался от идеи поднять мятеж против церкви не потому, что церковь слишком сильна, а потому, что она слишком слаба и не стоит его усилий.

– Так... что же у него на уме?

– По-моему, он затевает войну посерьезнее этой. По-моему, он решил поднять восстание против самой высокой власти, какая только существует на свете. Он отправился искать место, где обитает сам Властитель, и он намерен сокрушить Его. Вот что я думаю. Меня бросает в дрожь, когда я произношу эти слова, мадам. Мне даже думать об этом страшно. Но я уверен, что найти другое объяснение всем его поступкам не сможет никто.

Некоторое время Серафина сидела молча, переваривая услышанное. Прежде чем она успела открыть рот, Торольд заговорил снова:

– Конечно, любой, кто замышляет столь грандиозное дело, обязательно навлечет на себя гнев церкви. Это уж само собой разумеется. Они назовут такой замысел величайшим богохульством – вот что они скажут. Вы и глазом моргнуть не успеете, как они поставят его перед Судом Консистории и вынесут ему смертный приговор. Я никогда не говорил об этом и не заговорю больше; я и вам побоялся бы сказать об этом вслух, если бы вы не были ведьмой, на которую власть церкви не распространяется; но мое предположение объясняет все, а других объяснений я не вижу. Он хочет найти Властителя и убить Его.

– Разве это возможно? – спросила Серафина.

– Жизнь лорда Азриэла полна свершений, которые другим показались бы невозможными. Я не рискнул бы утверждать, что есть вещи, которые ему не под силу. Но на первый взгляд – да, Серафина Пеккала, он абсолютно безумен. Если это не удалось ангелам, как человек может рассчитывать превзойти их?

– Ангелам? Кто такие ангелы?

– По мнению церковников, это существа чисто духовной природы. Церковь учит, что еще до сотворения мира некоторые ангелы восстали и были низвергнуты из рая в ад. Это значит, что они потерпели поражение. Не смогли выполнить задуманное. А ведь ангелы – могущественные создания, в то время как лорд Азриэл – всего лишь человек и его могущество ограничено человеческими возможностями. Зато его дерзость поистине безгранична. Он ставит перед собой такие цели, о которых обычные люди и думать бы побоялись. Смотрите, чего он уже достиг: благодаря ему разверзлось небо, открылась дорога в иной мир! Кто еще способен на такое? Кто еще осмелился бы даже помыслить об этом? Так что с одной стороны, Серафина Пеккала, я готов сказать: да, он не в себе, он опасный безумец. Но не забывайте, что мы ведем

речь о лорде Азриэле, а он не похож на остальных людей. Может быть... Если такое вообще возможно, это совершит только он, и никто другой.

– А что будете делать вы, Торольд?

– Я останусь здесь и буду ждать. Мой долг – охранять этот дом, пока лорд Азриэл не вернется и не отдаст мне новое распоряжение... или пока я не умру. А теперь я хотел бы спросить то же самое у вас, мадам.

– Я хочу убедиться, что девочка в безопасности, – сказала она. – Когда-нибудь мой путь может снова привести меня сюда, Торольд. Я рада слышать, что вы остаетесь здесь.

– С места не тронусь, – пообещал он.

Она отказалась от предложенной Торольдом еды и распрощалась с ним.

Через минуту-другую к ней вновь присоединился ее деймон-гусь, и они молча понеслись над затянутыми туманом горами. Ведьму терзала мучительная тревога, и в этом не было ничего удивительного: каждый клочок мха, каждый затянутый льдом бочаг, каждая пядь ее родной земли взывали к ней и тянули ее обратно. Она опасалась за них, но и за себя тоже, потому что ей предстояло измениться: ведь она ввязалась в чуждые ей человеческие дела, и бог лорда Азриэла не был ее богом. Неужели ей суждено очеловечиться? Неужели она перестает быть истинной ведьмой?

Если это действительно так, она не может обойтись без поддержки своих соплеменниц.

– Домой, Кайса, – сказала она. – Мы должны поговорить с сестрами. В одиночку нам со всем этим не справиться.

И они полетели сквозь клубящиеся горы тумана к озеру Инара – туда, где лежала их родина.

В лесных пещерах у озера они нашли других ведьм из своего клана; с ними был и Ли Скорсби. После катастрофы на Свальбарде аэронавт приложил все усилия к тому, чтобы удерживать шар в воздухе, и ведьмы показали ему дорогу в свои родные края. Там он принялся за починку поврежденной корзины и баллона.

– Очень рад видеть вас, мадам, – сказал он. – Есть какие-нибудь новости о нашей девочке?

– Нет, мистер Скорсби. Сегодня вечером мы устроим совет и решим, как действовать дальше. Вы согласитесь принять в нем участие?

Техасец сморгнул от удивления, потому что еще ни одному человеку не предлагали участвовать в ведьминском совете.

– Почту за честь, – сказал он. – К тому же у меня самого есть кое-какие соображения.

В течение всего дня ведьмы продолжали прилетать, словно хлопья черного снега на крыльях бури, – их шелковые одежды развевались на ветру, а ветки облачной сосны со свистом рассекали воздух. Охотники в промокшем лесу и рыбаки на тающих прибрежных льдинах слышали шелест, которым переполнилось небо, и, если бы им не мешал туман, увидели бы, как над их головой несутся ведьмы, точно клочки тьмы, подхваченные таинственным приливом.

Вечером под соснами вокруг озера запылали сотни костров. Самый огромный костер был сложен перед входом в пещеру, где проходили ведьминские советы. Там после трапезы и собрались ведьмы. В центре сидела Серафина Пеккала; на ее светлых волосах красовался венок из мелких алых цветов. Слева от нее сидел Ли Скорсби, а справа – почетная гостья по имени Рута Скади, королева латвийских ведьм.

Она прилетела всего час назад, удивив Серафину своим появлением. Миссис Колтер показала Серафине прекрасной для обычной женщины, чей век короток, но красота Руты Скади была не менее яркой, и притом с дополнительным оттенком чего-то загадочного, сверхъестественного. Она общалась с духами, и это наложило отпечаток на ее внешность. Она была живой и пылкой, с большими черными глазами; ходила молва, что сам лорд Азриэл был некогда ее любовником. В ушах у нее висели тяжелые золотые серьги, а корона на ее черных выю-

щихся волосах щетинилась клыками снежных тигров. Деймон Серафины Кайса узнал от деймона Руты Скади, что она сама убила этих тигров, чтобы покарать племя тартар, которые им поклонялись: тартары не оказали ей должных почестей, когда она посетила их земли. Лишившись своих богов-покровителей, дикари растерялись и, мучимые тоской и страхом, стали умолять ведьму, чтобы она позволила им теперь поклоняться ей, но она отвергла их с презрением: ибо, сказала она, что ей проку от их преклонения? Тиграм оно не помогло. Вот такая была Рута Скади – прекрасная, гордая и безжалостная.

Серафина не слишком хорошо представляла себе цель ее визита, но встретила гостью очень радушно; ритуал требовал, чтобы она отвела ей место справа от себя. Когда все собрались, Серафина взяла слово.

– Сестры! Вы знаете, зачем мы встретились: нам необходимо решить, как вести себя в свете новых событий. Небо разверзлось, и лорд Азриэл открыл путь из этого мира в иной. Должны ли мы принять это во внимание или нам следует жить так, как мы жили до сих пор, и заниматься лишь своими собственными делами? Другой вопрос касается девочки по имени Лира Белаква, которую медвежий король Йорек Бирнисон нарек Лирой Сирин. Она выбрала правильную ветку облачной сосны в доме доктора Ланселиуса, доказав, что именно ее пришествия мы всегда ожидали; но теперь эта девочка пропала. Сегодня у нас двое гостей, которые поделятся с нами своими мыслями. Сначала мы выслушаем королеву Руту Скади.

Рута Скади встала. Ее белые руки блестели на свету костра, а глаза сверкали так ярко, что даже ведьмы, сидевшие в заднем ряду, могли видеть ее выразительное лицо вплоть до мельчайшей черточки.

– Сестры, – начала она, – позвольте мне рассказать вам, что происходит и с кем мы должны сразиться, ибо война уже не за горами. Я не знаю, какие у нас будут союзники, но мне известно, кто наш противник. Это Магистерииум – иначе говоря, церковь. На протяжении всей своей истории – по нашим меркам она не так уж длинна, но в нее уложилось много, очень много человеческих жизней – церковь пытается подавить и взять под контроль все естественные побуждения. А если ей это не удастся, она стремится искоренить их. Некоторые из вас видели, что творилось в Больвангаре. Это было ужасно – но это не единственное такое место и не единственное их преступление. Вы, сестры, знаете только север; я же путешествовала по южным краям. Поверьте мне, там тоже есть церкви, где режут детей – не так, как в Больвангаре, но не менее ужасным способом: им обрезают половые органы. Да-да, и мальчикам, и девочкам, – их режут ножом, чтобы эти органы навсегда потеряли чувствительность. Вот чем занимается церковь, и притом всякая церковь: она контролирует, подавляет, уничтожает любое истинное чувство. Поэтому я говорю: если начнется война и церковь окажется на одной стороне, мы должны занять другую, с какими бы неожиданными союзниками нам ни пришлось в этом случае сражаться бок о бок.

Мое предложение таково: мы должны объединить свои кланы, вместе отправиться в новый мир и посмотреть, что там можно найти. Если Лир Сирин нет в нашем мире, это значит, что она уже покинула его вслед за лордом Азриэлом. А лорд Азриэл – ключ ко всему происходящему, поверьте мне. Когда-то он был моим возлюбленным, и я охотно стану под его знамена, потому что он ненавидит церковь и все ее злодеяния. Это всё, что я хотела вам сказать.

Рута Скади говорила страстно, и Серафина по достоинству оценила ее силу и пылкость. Когда латвийская королева села на место, Серафина обернулась к Ли Скорсби.

– Мистер Скорсби – друг девочки, а стало быть, и наш, – сказала она. – Вы не поделитесь с нами своими соображениями, сэр?

Техасец поднялся на ноги, вежливый и гибкий как хлыст. По его виду нельзя было сказать, что он отдает себе отчет во всей странности происходящего, но на самом деле он чувствовал ее очень остро. Его деймон, зайчиха Эстер, съехался позади него, прижав к спине свои длинные уши и полуприкрыв золотистые глаза.

– Мадам, – заговорил воздухоплаватель, – сначала я должен поблагодарить всех вас за вашу любезность и за ту помощь, которую вы оказали аэронавту, потрепанному ветрами из иного мира. Я не буду долго испытывать ваше терпение.

Когда я сопровождал цыган в их путешествии на север, в Больвангар, девочка Ли́ра рассказала мне о том, что случилось в одном оксфордском колледже, где она жила. Лорд Азриэл предъявил другим ученым отрезанную голову человека по имени Станислаус Грумман, и это вроде как убедило их выделить ему деньги, чтобы он мог отправиться на север и выяснить, что произошло.

Девочка была твердо уверена в том, что видела, и я решил не докучать ей лишними вопросами. Но ее рассказ не давал мне покоя, хотя я никак не мог смекнуть, что же он мне напоминает. Похоже, я что-то знал об этом самом докторе Груммане. И только потом, когда мы летели сюда со Свальбарда, я наконец вспомнил, что именно. Мне рассказал об этом старый охотник с Тунгуски. По его словам, Грумман знал, где находится один предмет, дающий защиту тому, кто им владеет. Я не хочу преуменьшать значение чар, которые подвластны вам, ведьмам, однако могущество этого таинственного предмета превосходит все, о чем я слышал.

И я подумал, что мне стоит отложить свое возвращение в Техас, поскольку меня волнует судьба этой девочки, и попытаться отыскать доктора Груммана. Видите ли, какая штука: я не верю, что он мертв. По-моему, лорд Азриэл попросту надул тех ученых.

Поэтому я хочу отправиться на Новую Землю, где в последний раз слышал о Груммане как о живом человеке, и поискать его там. Будущего я предвидеть не могу, зато настоящее вижу ясно. И я с вами в этой войне, чего бы ни стоили мои пули. Но сейчас у меня своя задача, мадам, – заключил он, вновь поворачиваясь к Серафине Пеккала. – Я собираюсь найти Станислауса Груммана и выяснить, что ему известно, а если мне удастся отыскать тот предмет, о котором он знает, я доставлю его Лире.

– Вы женаты, мистер Скорсби? – спросила Серафина. – У вас есть дети?

– Нет, мадам, детей у меня нет, хотя я был бы счастлив стать отцом. Но я понял ваш вопрос, и вы правы: этой девчужке здорово не повезло с настоящими родителями, и я постараюсь хотя бы отчасти возместить ей эту потерю. Кто-то ведь должен это сделать, и я готов попробовать.

– Благодарю вас, мистер Скорсби, – сказала Серафина.

Она сняла свой венок и отщипнула от него один маленький алый цветочек – совсем свежий, как будто только что сорванный.

– Возьмите его с собой, – сказала она, – и если вам понадобится моя помощь, возьмите цветок в руку и позовите меня по имени. Я услышу вас, где бы вы ни были.

– Большое вам спасибо, мадам, – с удивлением отозвался Ли Скорсби. Он взял цветок и аккуратно спрятал его в нагрудный карман.

– Мы вызовем ветер, который поможет вам добраться до Новой Земли, – добавила Серафина Пеккала. – А теперь, сестры, кто еще хочет взять слово?

Началось широкое обсуждение. До известного предела ведьмы соблюдали демократию: каждая из них, даже самая юная, имела право высказаться, но вынести окончательное решение могла только королева. Совещание затянулось на всю ночь: многие сразу горячо поддержали намерение в открытую схватиться с врагом, другие стояли за то, чтобы повременить и оглядеться, а некоторые, самые мудрые, предлагали отправить посланниц в другие ведьминские кланы и убедить их впервые объединить силы.

Рута Скади согласилась с этим предложением, и Серафина тут же снарядила посольства к ведьмам, живущим в других краях. Затем она отобрала из числа своих товаров двадцать лучших воительниц и велела им готовиться к полету на север, в открытый лордом Азриэлом новый мир: по мнению Серафины, поисками Лир следовало заняться немедленно.

— А что будете делать вы, королева? — под конец обратилась она к Руте Скади. — Какие у вас планы?

— Я отправлюсь на поиски лорда Азриэла, чтобы узнать о его намерениях из его собственных уст. Похоже, что и мне нужно двигаться на север. Могу ли я проделать первую часть пути с вами, сестра?

— Конечно, и мы будем очень этому рады, — ответила Серафина, довольная, что у нее появилась такая спутница.

На том и порешили.

Вскоре после окончания совета к Серафине Пеккала подошла одна пожилая ведьма и сказала ей:

— Королева! Советую тебе выслушать Юту Камайнен. Она у нас с характером, но то, что она может сообщить, кажется мне важным.

Молодая ведьма Юта Камайнен — молодая, конечно, по ведьминским меркам, поскольку ей было всего-навсего чуть больше ста лет, — была смущена, несмотря на свое упрямство, а ее деймон, крохотная малиновка, то взволнованно перепархивал с плеча Юты на ее руку, то кружил высоко над ведьмой, чтобы потом вновь на секунду опуститься к ней на плечо. Ее округлые щеки горели румянцем. Эта ведьма отличалась необузданным нравом; Серафина знала ее не очень хорошо.

— Королева, — промолвила юная ведьма, не в состоянии хранить молчание под взглядом Серафины, — я знаю человека по имени Станислаус Грумман. Раньше я любила его, но теперь ненавижу так сильно, что убью при первой же встрече. Я бы ничего не сказала, но сестра заставила меня признаться.

Она посмотрела на старшую ведьму с ненавистью, однако та ответила ей взглядом, полным сострадания: она знала, что такое любовь.

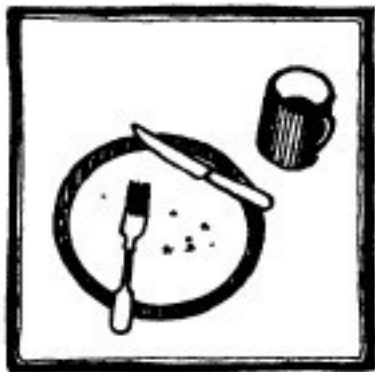
— Что ж, — сказала Серафина, — если Грумман еще жив, он должен оставаться в живых, пока его не найдет мистер Скорсби. А тебе лучше полететь с нами в новый мир: тогда можно будет не опасаться, что ты убьешь его раньше. Забудь о нем, Юта Камайнен. Любовь причиняет нам страдания. Но то, что мы должны совершить, важнее мести. Помни это.

— Да, королева, — послушно сказала Юта Камайнен.

И Серафина Пеккала вместе с двадцатью одной сестрой из ее клана и королевой латвийских ведьм Рутей Скади стали готовиться к путешествию в новый мир, куда еще не летала ни одна ведьма.

Глава третья

Мир детей

Лира проснулась рано. Ей снился ужасный сон: кто-то поставил перед ней вакуумный ящик, который ее отец лорд Азриэл показывал Магистру и Ученым Иордан-колледжа.

Когда это происходило наяву, Лира пряталась в платяном шкафу и видела, как лорд Азриэл открыл ящик и вынул оттуда отрезанную голову Станислауса Груммана, пропавшего исследователя; но во сне Лире нужно было открыть ящик самой, а она боялась до него дотрагиваться. Этот ящик внушал ей жуткий страх, но она непременно должна была открыть его; слабыми, непослушными руками она отстегнула защелку и услышала, как воздух со свистом ворвался в морозильную камеру. Потом она откинула крышку, чуть не задыхаясь от ужаса, но сознавая, что ей нужно, просто необходимо это сделать. Но внутри ничего не было. Голова исчезла. Все ее страхи оказались напрасными.

Но она все равно проснулась в поту и в слезах. В ее маленькой спальне было очень жарко, в окно, обращенное к гавани, лился лунный свет; она лежала в чужой постели, обняв чужую подушку, а Пантелеймон тыкался в нее мордочкой и нашептывал что-то, стараясь ее успокоить. Ах, до чего же она перепугалась! И как все это было странно: наяву ей хотелось посмотреть на голову Груммана и она упрашивала лорда Азриэла еще раз открыть ящик, чтобы заглянуть внутрь, но во сне ее охватила настоящая паника.

Когда наступило утро, Лира спросила алетиметр, что означал ее сон, но получила ничего не говорящий ответ: *Это был сон о голове.*

Она подумала, не разбудить ли странного мальчика, ее нового знакомого, но он спал так крепко, что она решила подождать. Вместо этого она спустилась в кухню и попробовала приготовить омлет; двадцать минут спустя она уселась за столик на тротуаре и с огромной гордостью проглотила свое произведение – кучку почерневших лохмотьев. Пантелеймон в виде воробья клевал рядом яичную скорлупу.

Вскоре за ее спиной послышались шаги, и на пороге появился Уилл с заспанными глазами.

– Я научилась делать омлет, – сказала Лира. – Если хочешь, могу сделать и тебе.

Он посмотрел на ее тарелку и ответил:

– Нет, я лучше поем хлопьев. Кажется, молоко в холодильнике еще не успело скиснуть. Похоже, что люди, которые здесь жили, исчезли совсем недавно.

Она следила, как он насыпает в чашку кукурузные хлопья и наливает в них молоко: такого она тоже никогда раньше не видела.

Он вынес свой завтрак на улицу и сказал:

– Если ты не из этого мира, где тогда твой? Как ты сюда попала?

– По мосту. Этот мост сделал мой отец, и я... пошла за ним. Но потом он куда-то пропал – не знаю куда. Да мне это и не интересно. Но пока я шла, вокруг сгустился туман и я вроде как сбилась с дороги. Я бродила в тумане несколько дней, ела одни ягоды и всякую дрянь. Потом туман вдруг рассеялся, и мы очутились вон там, на утесе...

Она показала рукой себе за спину. Уилл посмотрел вдоль берега и увидел, что за маяком вздымается гряда высоких утесов, теряющаяся в далекой дымке.

– И мы увидели этот город и спустились сюда, но никого здесь не нашли. Зато здесь была хоть какая-то еда и кровати, в которых можно спать. Мы не знали, что делать дальше.

– Ты уверена, что это не твой мир, просто другая его часть?

– Конечно. Это не мой мир, я точно знаю.

Уилл вспомнил, как он сам смотрел на лужайку по ту сторону найденного им окна; тогда он тоже был абсолютно уверен, что трава, которую он видит, находится в ином мире. Мальчик кивнул.

– Значит, есть по меньшей мере три мира, связанных между собой, – сказал он.

– Их целые миллионы, – сказала Лира. – Мне говорил об этом деймон одной знакомой ведьмы. Никто не может сосчитать, сколько существует миров, – и все они находятся в одном и том же месте, но, пока мой отец не построил мост, никому не удавалось перейти из своего в чужой.

– А как же окно, которое я нашел?

– Про это я не знаю. Может быть, все миры стали налезать друг на друга.

– А зачем ты ищешь свою пыль?

Она холодно посмотрела на него.

– Может, когда-нибудь я тебе расскажу.

– Ладно. Но как ты собираешься ее искать?

– Найду ученого, который о ней знает.

– Что, первого попавшегося?

– Нет. Мне нужен специалист по экспериментальной теологии, – ответила она. – В нашем Оксфорде этим занимались как раз они. Значит, в вашем Оксфорде должно быть то же самое. Сначала отправлюсь в Иордан-колледж, потому что в нем самые лучшие ученые.

– Никогда не слыхал про экспериментальную теологию, – сказал Уилл.

– Они знают все про элементарные частицы и фундаментальные силы, – пояснила она. – И про антаромагнетизм и всякое такое. В общем, про атомы.

– Какой-какой магнетизм?

– Антаромагнетизм. От слова «антарный». Вон те лампы, – пояснила она, указывая на декоративный уличный фонарь, – они антарные.

– У нас их называют электрическими.

– Электрические... похоже на электрум. Это такой полудрагоценный камень, он получается из древесной смолы. Там еще иногда бывают мухи.

– Ты имеешь в виду янтарь, – догадался он, и они оба, хором, сказали: – Антар...

И каждый из них увидел на лице другого свое собственное выражение. Потом Уилл еще много раз вспоминал этот миг.

– Ну да, электромагнетизм, – продолжал он, отведя взгляд. – Наверное, ваша экспериментальная теология – это то же самое, что наша физика. Выходит, тебе нужны физики, а не теологи.

– Может, ты и прав, – осторожно сказала она. – Но все равно я их найду.

Стояло погожее утро, на гладкой воде гавани мирно сверкало солнце, и каждый из них мог бы задать следующий вопрос, потому что оба умирали от любопытства; но вдруг они услышали голос с набережной – с той стороны, в которой находилось казино и окружающие его сады.

Оба, вздрогнув от неожиданности, повернулись туда. Голос был детский, но они никого не видели.

– Напомни еще раз, давно ты здесь? – тихо спросил Уилл.

– Дня три или четыре – сбилась со счета. И ни разу никого не встретила. Тут никого нет. Я почти все обыскала.

Но было уже ясно, что она ошибается. За поворотом показались двое детей – девочка Лиринового возраста и мальчик помладше. Они спустились на набережную по одной из поперечных улочек – оба рыжеволосые, с корзинками в руках. До них было еще около сотни метров, когда они увидели за столиком кафе Уилла и Лиру.

Пантелеймон превратился из щегла в мышонка и, пробежав по руке Лире, спрятался в кармане ее рубашки. Он заметил, что эти новые дети такие же, как Уилл: у обоих не было видимого деймона.

Неторопливо, словно прогуливаясь, дети подошли и уселись за соседний столик.

– Вы из Чи-гацце? – спросила девочка.

Уилл покачал головой.

– Из Сайт-Элиа?

– Нет, – сказала Лира. – Мы из другого места.

Девочка кивнула. Этот ответ ее устроил.

– Что происходит? – спросил Уилл. – Куда подевались все взрослые?

Глаза девочки сузились.

– Разве в ваш город Призраки не приходили? – спросила она.

– Нет, – сказал Уилл. – Мы сами только что здесь появились. И ничего не знаем о Призраках. Как называется этот город?

– Чи-гацце, – настороженно ответила девочка. – Вообще-то, Читтагацце.

– Читтагацце, – повторила Лира. – Чи-гацце. А почему взрослые отсюда ушли?

– Из-за Призраков, – с усталым презрением сказала девочка. – Тебя как зовут?

– Лира. А его Уилл. А вас?

– Меня Анжелика. А брата – Паоло.

– Откуда вы пришли?

– С холмов. Тут был густой туман и буря, все испугались и сбежали в холмы. Потом туман рассеялся, взрослые посмотрели в подзорную трубу и увидели, что в городе куча Призраков. Поэтому им нельзя возвращаться. Но нам, детям, Призраки ничего не сделают. За нами придут еще дети, просто мы первые.

– Мы и Туллио, – гордо сказал маленький Паоло.

– Кто это – Туллио?

Анжелика рассердилась: очевидно, Паоло не должен был называть это имя, но теперь тайна вышла наружу.

– Наш старший брат, – сказала она. – Его с нами нет. Он прячется – ждет, пока можно будет... В общем, прячется.

– Он хочет достать... – начал было Паоло, но Анжелика дала ему затрещину, и он тут же замолчал, крепко сжав дрожащие губы.

– Что вы сказали насчет города? – спросил Уилл. – В нем куча Призраков?

– Да, в Чи-гацце, в Сант-Элиа – во всех городах. Призраки идут туда, где есть люди. Сами-то вы откуда?

– Из Уинчестера, – сказал Уилл.

– Никогда про такой не слышала. Там что, нет Призраков?

– Нет. Я и здесь ни одного не вижу.

– Конечно! – насмешливо воскликнула она. – Ты же не взрослый! Мы сможем их увидеть, только когда вырастем.

– А я не боюсь Призраков, понял? – сказал малыш, гордо выпятив грязный подбородок. – Убью гадов.

– Значит, взрослые совсем не собираются возвращаться? – сказала Лира.

– Да нет, вернутся через несколько дней. Когда Призраки уйдут куда-нибудь еще. Нам нравится, когда приходят Призраки: можно бегать по всему городу, залезать куда хочешь, и никто ничего не скажет.

– Но почему взрослые боятся Призраков? Что они могут им сделать? – спросил Уилл.

– Ну... если Призрак поймают взрослого, на это страшно смотреть. Он высасывает из него жизнь прямо на месте, поняли? Я не хочу стать взрослой, нет уж, спасибо. Сначала они замечают, что с ними делается, и пугаются, кричат и кричат, а после смотрят куда-то далеко, как будто ничего не происходит, но это неправда. Уже слишком поздно. И никто к ним не приближается, они сами по себе. Потом они бледнеют и перестают двигаться. Они еще живые, но внутри у них как будто все съедено. Смотришь им в глаза и видишь стенку затылка. Там пусто, понятно?

Девочка повернулась к брату и вытерла ему нос рукавом его же рубашки.

– Мы с Паоло пойдем искать мороженое, – сказала она. – Хотите, пошли с нами.

– Нет, – ответил Уилл. – Нам надо кое-что сделать.

– Ну, тогда пока, – сказала она, а Паоло воскликнул:

– Убей Призрака!

– Пока, – сказала Лира.

Как только Анжелика с малышом исчезли, Пантелеймон вылез из Лириного кармана. Шерсть на его мышинной головке была взъерошена, глазки сверкали.

– Они не знают об окне, которое ты нашел, – обратился он к Уиллу.

Уилл впервые услышал голос деймона, и это поразило его едва ли не больше всего, что случилось с ним до сих пор. Лира рассмеялась при виде его изумления.

– Он... он сказал... разве деймоны говорят? – пробормотал мальчик.

– Конечно! А ты думал, он что – вроде домашней зверюшки?

Уилл потер ладонью лоб и сморгнул. Потом покачал головой.

– Да, – сказал он Пантелеймону. – Наверно, ты прав. Они про него не знают.

– Поэтому нам надо пользоваться им осторожней, – заметил деймон.

Разговаривать с мышонком казалось Уиллу странным только в первые мгновения. Потом это стало так же естественно, как говорить в телефонную трубку, потому что на самом деле он говорил с Лирой. Но мышенок существовал отдельно: в его выражении было что-то от Лир, но было и что-то свое. Вокруг одновременно происходило столько удивительных вещей, что у Уилла голова пошла кругом. Он попытался собраться с мыслями.

– Прежде чем идти в наш Оксфорд, тебе надо найти, во что переодеться, – сказал он Лире.

– Это еще зачем? – мрачно спросила она.

– Потому что в моем мире ты не сможешь обратиться к людям в таком виде: они тебя и близко не подпустят. Ты должна выглядеть так, будто живешь там. Тебе нужна маскировка. Уж я-то знаю, поверь мне: я притворяюсь не первый год. Ты лучше слушайся меня, иначе тебя поймут, а если они пронюхают, откуда ты, и про окно, и про все остальное... Понимаешь, этот мир – отличное убежище. Дело в том, что я... Мне надо кое от кого спрятаться. А о таком удобном месте, как этот мир, я и мечтать не мог, и мне не хочется, чтобы его обнаружили. Поэтому я не хочу, чтобы по твоему виду кто-нибудь догадался, что ты чужая. У меня в Оксфорде есть свои дела, и если ты меня выдашь, я тебя убью.

Она сглотнула. Алетиометр никогда не лжет: этот мальчик действительно убийца, а если он убивал прежде, ему ничего не стоит убить и ее. Она кивнула с неподдельной серьезностью.

– Хорошо, – сказала она.

Пантелеймон обратился в лемура, и под взглядом его огромных глаз Уиллу стало не по себе. Он вытаращился на него в ответ; демон опять превратился в мышонка и юркнул к девочке в карман.

– Так вот, – вновь заговорил Уилл, – пока мы здесь, мы должны притворяться, что недавно пришли сюда из другого места в этом же самом мире. Нам повезло, что здесь нет взрослых. Мы можем приходить и уходить, и никто ни о чем не спросит. Но в моем мире ты должна вести себя так, как я скажу. В первую очередь, тебе надо помыться. Ты должна быть чистой, иначе на тебя сразу обратят внимание. Нам нельзя забывать о маскировке, куда бы мы ни пошли. Мы должны выглядеть самыми обыкновенными, чтобы люди нас даже не замечали. Так что для начала иди и вымой голову. В ванной есть шампунь. А потом попробуем найти тебе какую-нибудь приличную одежду.

– Но я не умею, – возразила она. – Я никогда не мыла себе голову. В Иордане меня мыла служанка, а потом мне это ни разу не было нужно.

– Ничего, научишься, – сказал он. – Вымойся с ног до головы. В моем мире люди ходят чистые.

Лира хмыкнула и отправилась наверх. Из-за ее плеча высунулась крысиная мордочка и сверкнула на Уилла свирепыми глазками, но он ответил ей холодным взглядом.

В это тихое солнечное утро его очень тянуло побродить по городу, но ему не давала покоя мучительная тревога за мать; не до конца прошло и потрясение, вызванное смертью, невольным виновником которой он стал. Однако больше всего Уилл был озабочен мыслями о том, как ему добиться своей главной цели. В ожидании Лиры он решил занять себя чем-нибудь полезным: вытер столы на кухне, помыл пол и вытряхнул мусорное ведро в бак, который нашелся в соседнем переулке.

Потом он вынул из своей сумки зеленый кожаный несессер и поглядел на него с тоской. Как только он проводит Лиру к окну и объяснит ей, как попасть в их Оксфорд, он вернется и внимательно изучит содержимое несессера; а пока что Уилл засунул его под матрац на кровати, в которой спал. Здесь, в этом мире, никто его не тронет.

Когда Лира спустилась, влажная и чистая, они пошли искать ей одежду. Неподалеку обнаружился универмаг, довольно убогий, как и все окрестные домики; на взгляд Уилла, товар в нем был немного старомодный, но они нашли для Лиры клетчатую юбку и зеленую блузку без рукавов, с карманом для Пантелеймона. Лира наотрез отказалась надевать джинсы; не помогли даже уверения Уилла в том, что большинство девочек в его мире их носят.

– Это штаны, – сказала она. – А я девочка. Не говори глупостей.

Уилл пожал плечами: главное, что клетчатая юбка не бросается в глаза, а остальное неважно. Прежде чем уйти, он положил на прилавок у кассы несколько монет.

– Что ты делаешь? – спросила она.

– Плачу. За все вещи надо платить. Разве в вашем мире это не принято?

– Уж здесь-то явно не принято! Думаешь, все эти дети за что-нибудь платят? Спорим, что нет!

– У них свои правила, а у меня свои.

– Если будешь вести себя как взрослый, Призраки тебя слопают, – сказала она, тут же пожалев об этом: наверное, ей лучше было поостеречься и не дразнить Уилла.

При дневном свете они увидели, какие ветхие здания стоят в центре города и как близки некоторые из них к тому, чтобы превратиться в руины. Дороги, покрытые выбоинами, не ремонтировались; окна были разбиты, штукатурка отваливалась. И все же следы былой красоты и великолепия еще не исчезли полностью: за лепными арками открывались просторные зеленые дворы, а некоторые величественные здания выглядели как настоящие дворцы, хотя ступени их парадных лестниц потрескались, а дверные рамы отошли от стен. Похоже, жители

Чи-гацце не любили сносить обветшавшие дома и строить новые: вместо этого они явно предпочитали без конца латать свои старые обиталища.

По дороге к бульвару Уилл с Лирой забрели на маленькую площадь с башней посередине. Это было самое древнее строение из всех, что они здесь видели: простая башня с зубчатым парапетом наверху, высотой в четыре этажа. Освещенная ярким солнцем, она была погружена в тишину, и в этом было что-то завораживающее: и Лиру, и Уилла тянуло заглянуть в полуоткрытую дверь, к которой вели широкие ступени, но оба они смолчали и неохотно прошли мимо.

Когда они добрались до бульвара с пальмами, Уилл велел девочке искать небольшое угловое кафе с зелеными металлическими столиками, вынесенными на тротуар. Через минуту она его нашла. Теперь, днем, оно казалось совсем маленьким и убогим, но это было то самое место: оцинкованная стойка с кофеваркой «экспресс», тарелка с недоеденным ризотто, от которого уже пованивало.

– Это внутри? – спросила Лира.

– Нет. Посреди бульвара. Смотри внимательно, нет ли кого поблизости...

Но они были одни. Уилл привел свою спутницу на лужайку под пальмами и огляделся, чтобы как следует сориентироваться.

– По-моему, оно где-то здесь, – сказал он. – Когда я пролез в него, мне был виден самый краешек того большого холма вон за тем белым домом; потом я повернулся сюда и увидел кафе, а еще...

– Как оно выглядит? Я ничего не вижу.

– Его ни с чем не спутаешь. Раньше ты наверняка не видала ничего подобного.

Он озираясь по сторонам. Может быть, оно исчезло? Закрылось? Он нигде не мог его найти.

И тут вдруг он заметил его. Сделал шаг влево, потом вправо, следя за краем окна. Он обнаружил, что и отсюда, так же как прошлой ночью из Оксфорда, окно можно увидеть только спереди: если зайти за него, оно становилось невидимым. И освещенная солнцем трава за окном ничем не отличалась от травы по эту его сторону, хотя между ними была какая-то неуловимая разница.

– Вот оно, – сказал Уилл, убедившись, что ошибки нет.

– Да-да! Я вижу его!

Девочка была вне себя от возбуждения; она казалась такой же изумленной, каким был он сам, когда с ним заговорил Пантелеймон. Не в силах усидеть у нее в кармане, деймон вылетел оттуда в виде осы и несколько раз с жужжанием пронесся сквозь окно и обратно, пока она старательно приглаживала руками непослушные, еще слегка влажные волосы.

– Держись от него с краю, – посоветовал Уилл. – Если станешь прямо перед ним, люди увидят твои ноги без туловища и здорово удивятся. А я не хочу чтобы кто-нибудь нас заметил.

– Что там за шум?

– Машины. Это участок Оксфордской кольцевой дороги. Там всегда большое движение. Нагнись и загляни туда сбоку. Вообще-то сейчас неподходящее время суток: на улицах слишком много народу. Но если мы отправимся в мой мир посреди ночи, все места, в которые нам нужно попасть, будут закрыты. Ну ничего. Главное – проскочить в окно, а там мы легко смешаемся с местными жителями. Ты иди первая. Просто ныряй внутрь и сразу отбегай подальше от окна.

У Леры был маленький синий рюкзачок, который она надела еще в кафе; теперь она скинула его с плеч и взяла в руки, а потом нагнулась и заглянула в окно.

– Ух ты! – вырвалось у нее. – Так это и есть твой мир? Он совсем не похож на наш Оксфорд. Ты уверен, что был именно в Оксфорде?

– Конечно уверен. Когда окажешься там, прямо перед собой увидишь дорогу. Иди по ней влево, а чуть дальше, на перекрестке, сверни направо. Эта вторая дорога приведет тебя в центр города. Только убедись, что видишь окно, и хорошенько запомни, где оно находится, поняла? Иначе обратно не попадешь.

– Ладно, – сказала она. – Я запомню.

Прижав рюкзачок к груди, она нырнула в окно и исчезла. Уилл присел, чтобы посмотреть, куда она отправится.

И увидел ее на лужайке в своем Оксфорде – она стояла там, а Пан, по-прежнему оса, сидел у нее на плече. Насколько Уилл мог судить, никто не заметил появления девочки. Всего в нескольких метрах от нее проносились легковушки и грузовики, и ни у одного шофера на этой сложной развязке не было времени, чтобы посмотреть в сторону на непонятную дыру в воздухе – даже если бы они могли ее видеть, – а от людей, идущих по другой обочине шоссе, ее закрывало автомобильное движение.

Вдруг раздался визг тормозов, крик, удар. Мальчик припал к земле, наблюдая.

Лира лежала на траве. Автомобиль затормозил так резко, что ехавший сзади фургон врезался в него и толкнул вперед, а Лира не шевелилась...

Уилл кинулся следом за ней. Никто не заметил, как он прошмыгнул в окно: все взгляды были устремлены на машину с помятым бампером, на водителя фургона, вылезавшего из кабины, и на лежащую девочку.

– Я ничего не могла сделать... она выскочила прямо передо мной... – сказала женщина средних лет, сидевшая за рулем легковой машины. – Вы ехали слишком близко! – накинута она на водителя фургона.

– Да ладно вам, – ответил тот. – Что с ребенком?

Он обращался к Уиллу, который уже стоял рядом с Лирой на коленях. Уилл поднял глаза, осмотрелся, но ничего особенного не увидел: винить в случившемся можно было только его самого. Лежащая на траве Лира приподняла голову, часто моргая. Уилл заметил около нее осу-Пантелеймона, ошалело ползущего по стеблю травинки.

– Ты цела? – спросил Уилл. – Пошевели руками и ногами.

– С ума сошла! – воскликнула женщина из машины. – Прыгает прямо под колеса. Хоть разок бы поглядела на дорогу. Что мне теперь делать?

– Ты жива, дочка? – спросил водитель фургона.

– Да, – пробормотала Лира.

– Всё на месте?

– Теперь пошевели ступнями и кистями, – настаивал на своем Уилл.

Она послушалась. Переломов нигде не было.

– Все в порядке, – сказал Уилл. – Я о ней позабочусь. Ничего страшного.

– Ты ее знаешь? – спросил водитель.

– Она моя сестра, – сказал Уилл. – Все нормально. Мы живем тут, за углом. Я отведу ее домой.

Лира уже сидела; поскольку она явно не слишком пострадала, женщина переключила внимание на свой автомобиль. Другие машины ехали мимо двух стоящих на месте; шоферы с любопытством, свойственным всем посторонним, косились на маленькую сцену. Уилл помог Лире подняться: чем скорее они уберутся отсюда, тем лучше. Женщина и водитель фургона поняли, что их спор будут продолжать агенты страховых компаний, и стали обмениваться адресами, но тут женщина заметила, что Уилл уводит прихрамывающую Лиру прочь.

– Погодите-ка! – окликнула она их. – Вы будете свидетелями. Мне нужны ваши имена и адрес.

– Я Марк Рэнсом, – сказал Уилл, оборачиваясь, – а это моя сестра Лиза. Мы живем на Борн-клоуз, двадцать шесть.

– Индекс?

– Никак не могу запомнить, – сказал он. – Простите, но я должен отвести ее домой.

– Прыгайте ко мне в кабину, я вас подброшу, – предложил водитель фургона.

– Нет, спасибо, тут пешком ближе, честное слово.

Лира хромала не так уж сильно. Она двинулась вместе с Уиллом по лужайке мимо грабов; дойдя до первого угла, они тут же свернули за него.

Там они уселись на низкой садовой ограде.

– Сильно ударились? – спросил Уилл.

– Ногу ушибла. А когда упала, немножко стукнулась головой, – ответила она.

Но ее больше волновало содержимое рюкзака. Она порылась внутри, вынула что-то маленькое и тяжелое, обернутое в черный бархат, и развернула его. При виде алетиметра глаза Уилла расширились от удивления. Крохотные картинки вокруг всего циферблата, золотые стрелки и еще одна, тонкая и длинная, красивый увесистый корпус – от всего этого у него захватило дух.

– Что это? – спросил он.

– Мой алетиметр. Он говорит правду. С помощью символов. Надеюсь, он не разбился...

Прибор и в самом деле оказался цел. Руки у Лире дрожали, и длинная стрелка плавно качнулась туда-сюда. Девочка убрала алетиметр в рюкзак и сказала:

– Никогда не видела столько повозок и всего остального... Я и подумать не могла, что они так быстро носятся.

– Разве у вас в Оксфорде нет машин?

– Не так много. И они не похожи на ваши. Я к этому не привыкла. Но теперь все в порядке.

– Ладно, в следующий раз будь осторожнее. Если ты попадешь под автобус, или потеряешься, или угодишь еще в какую-нибудь историю, они поймут, что ты не из этого мира, и станут искать дорогу, по которой ты пришла...

Он отчитывал ее гораздо суровее, чем она заслуживала. Под конец он сказал:

– Да, кстати. Если ты и дальше будешь делать вид, что ты моя сестра, меня вряд ли поймут: они ищут парня, у которого сестры нет. А если я пойду с тобой, я смогу научить тебя переходить дорогу так, чтобы при этом не расстаться с жизнью.

– Хорошо, – покорно сказала она.

– И деньги. У тебя их наверняка нет... да откуда у тебя могут быть деньги! На что ты думала покупать еду и всякое такое?

– У меня есть деньги, – сказала она и вытрясла из кошелька несколько золотых монет.

Уилл недоверчиво посмотрел на них.

– Это что, золото? Настоящее? Если люди его увидят, ни обязательно начнут задавать вопросы, тут и сомневаться нечего. Это большой риск. Я дам тебе немного денег. свои монеты спрячь подальше и никому не показывай. помни: ты моя сестра, и зовут тебя Лиза Рэнсом.

– Лиззи. Когда-то я уже притворялась, что меня зовут Лззи. Сейчас я вспомнила.

– Ну ладно, пускай будет Лиззи. А я Марк. Не забывай.

– Хорошо, – покладисто сказала она.

Было ясно, что ее травма еще даст о себе знать: нога на месте ушиба уже покраснела и вспухла, там обещал вскочить огромный болезненный синяк. Другой синяк – след, оставленный кулаком Уилла, – красовался у нее на щеке со вчерашнего вечера, и мальчик забеспокоился: вдруг какой-нибудь полицейский подумает, что ее бьют дома, и захочет привлечь ее родителей к ответу?

Но он решил выкинуть из головы эти тревожные мысли, и они с Лирой отправились дальше вместе, переходя улицы только на светофорах и бросив лишь один взгляд назад, на грабы, под которыми скрывалось окно между мирами. Его они различить не смогли. Оно было совершенно невидимо, а машины снова текли по шоссе сплошным потоком.

В Саммертауне, в десяти минутах ходьбы от Банберируд, Уилл остановился перед банком.

– Что тебе нужно? – спросила Лира.

– Хочу взять еще денег. Лучше не делать это слишком часто, но я думаю, до конца рабочего дня они все равно не получат данных о том, кто их снимал.

Он сунул в автомат кредитную карточку матери и набрал ее пин-код. Все прошло гладко: он снял со счета сотню фунтов, и машина выдала их без задержки. Лира следила за его действиями с открытым ртом. Он протянул ей двадцатифунтовую бумажку.

– Позже попробуешь что-нибудь купить, – сказал он. – Расплатишься и возьмешь сдачу. А теперь поехали в город на автобусе.

Лира наблюдала, как он берет билеты, а потом тихо села у окошка и принялась смотреть, как проносятся мимо дома и сады города, удивительно похожего на ее собственный и все же другого. Она чувствовала себя так, словно попала в чужой сон. Они сошли в городском центре у старинной каменной церкви, которую она знала, напротив большого магазина, который был ей незнаком.

– Здесь все изменилось, – сказала она. – Как будто... Это не Корнмаркет? А это Броуд. Вон Бейлиол-колледж. А там, подальше, Бодлианская библиотека. Но где же Иордан?

Ее билa крупная дрожь. Возможно, это была запоздалая реакция на аварию, а может быть, девочку больше потрясло то, что она увидела сейчас: на месте Иордан-колледжа, который она считала своим родным домом, стояло совсем другое здание.

– Это неправильно, – сказала она. Теперь она говорила тихо, потому что Уилл велел ей не называть громким голосом мест, которых здесь нет. – Это вовсе не тот Оксфорд.

– Мы знали, что так будет, – отозвался он.

Он не был готов к ее внезапной растерянности, смешанной с испугом. Ведь он не мог знать, сколько лет она провела, бегая по улицам, почти неотличимым от этих, и как она гордилась тем, что живет в Иордан-колледже, где самые умные ученые, самые богатые кладовые, самая чудесная архитектура; а здесь его попросту не существовало, и она вдруг перестала быть Лирой из Иордана; теперь она была всего лишь маленькой потерявшейся девочкой в чужом мире, девочкой ниоткуда.

– Ну... – дрожащим голосом сказала она, – если его здесь нет...

Значит, ее поиски займут больше времени, чем она рассчитывала, только и всего.

Глава четвертая

Трепанация

Как только Лира отправилась по своим делам, Уилл нашел телефонную будку и набрал номер адвокатской конторы, стоявший на письме, которое он держал в руке.

– Алло! Позовите, пожалуйста, мистера Перкинса.

– Простите, кто говорит?

– Это по поводу Джона Парри. Я его сын.

– Минутку...

Прошла минута, и в трубке раздался мужской голос:

– Алан Перкинс у телефона. С кем я говорю?

– Это Уильям Парри. Простите за беспокойство. Дело касается моего отца, Джона Парри.

Каждые три месяца вы посылали от него деньги в банк, на счет моей матери.

– Да...

– Так вот, я хотел бы узнать, где мой отец. Скажите, пожалуйста, жив он или умер?

– Сколько тебе лет, Уильям?

– Двенадцать. Я хочу знать правду.

– Да-да... Будь добр, скажи: твоя мать знает, что ты мне звонишь?

Уилл ненадолго задумался.

– Нет, – наконец ответил он. – Но она не слишком здорова. Она не может рассказать мне всего, а я хочу знать.

– Понимаю. Где ты сейчас? Дома?

– Нет, я... Я в Оксфорде.

– Один?

– Да.

– А твоя мать, говоришь, нездорова?

– Да.

– Она в больнице?

– Что-то вроде того. Так вы можете мне сказать? Пожалуйста.

– Ну, кое-что я могу сказать, но немного и не прямо сейчас, и я предпочел бы сделать это не по телефону. Через пять минут у меня встреча с клиентом... Ты не мог бы зайти ко мне в контору примерно в полтретьего? Дорогу я объясню.

– Нет, – ответил Уилл. Это было бы чересчур рискованно: вдруг адвокату уже известно, что его ищет полиция? Он быстро пораскинул мозгами и продолжал: – Мне надо ехать в Ноттингем на автобусе, а он уходит раньше. Но то, что я хочу знать, вы ведь можете сказать по телефону, правда? А я хочу знать только, жив ли мой отец, и если да, то где я могу его найти. Ведь это вы можете мне сказать?

– Все не так просто. Мне вообще нельзя разглашать сведения о клиенте, если я не уверен, что клиент это одобрит. И в любом случае мне нужно подтверждение твоей личности.

– Да, понимаю, но можете вы сказать хотя бы, жив он или мертв?

– Ну... нет, это было бы нарушением конфиденциальности. Впрочем, я и так не мог бы ответить тебе, потому что и сам не знаю.

– Что?

– Деньги отчисляются из суммы, представляющей собой семейную доверительную собственность. Твой отец велел мне выплачивать их, пока он не попросит меня прекратить. С тех пор от него не было вестей. Короче говоря, он... По-моему, он исчез. Вот почему я не могу ответить на твой вопрос.

– Исчез? Но как?

– Вообще-то это открытая информация. Слушай, почему бы тебе не зайти ко мне в контору и...

– Не могу. Я еду в Ноттингем.

– Что ж, тогда напиши мне или пусть твоя мать напишет, и я сообщу вам все, что знаю. Но ты должен понять, что о многих вещах я не могу говорить по телефону.

– Да, наверное, вы правы. Хорошо. Но вы можете сказать мне, когда он исчез?

– Как я уже говорил, тут нет ничего секретного. Об этом писали в газетах... Ты знаешь, что он был исследователем?

– Да, кое-что мать мне рассказывала...

– Ну так вот, он возглавлял одну экспедицию, и вся группа исчезла. Это произошло около десяти лет назад.

– Где?

– На Крайнем Севере. По-моему, на Аляске. Ты можешь прочесть об этом в библиотеке. Почему бы тебе...

Но в этот момент время разговора вышло, а у Уилла кончились монетки. В трубке послышались короткие гудки. Он повесил ее на рычаг и огляделся.

Больше всего ему хотелось поговорить с матерью. Он пересилил желание набрать телефон миссис Купер, потому что знал: если он сейчас услышит голос матери, ему будет очень трудно заставить себя не возвращаться к ней и не подвергать таким образом опасности их обоих. Он решил взамен отправить ей весточку по почте.

Выбрав открытку с видом города, он написал: «Дорогая мама, я жив и здоров, и мы скоро увидимся. Надеюсь, у тебя все в порядке. Целую. Уилл». Потом добавил адрес, купил марку и, прежде чем опустить открытку в почтовый ящик, подержал ее немного у самой груди.

Дело шло к двенадцати, и Уилл находился на главной торговой улице, где автобусы с трудом пробивались сквозь толпы народу. Он вдруг сообразил, что сильно рискует: ведь по утрам в будни детям его возраста полагается сидеть в школе. Как же быть?

Ему не понадобилось много времени, чтобы замаскироваться. Уилл давно научился исчезать с чужих глаз и даже гордился своим умением. Он делал это примерно так же, как Серафина Пеккала, обратившаяся в невидимку на вражеском корабле: суть его метода состояла в том, чтобы не обращать на себя внимания, как бы слиться со всем окружающим.

Поэтому, поразмыслив минутку, он зашел в магазин канцелярских товаров и купил шариковую ручку, блокнот и планшечку. Школьников часто отправляли проводить опросы покупателей или заниматься еще чем-нибудь в этом роде, и теперь, увидев Уилла с его снаряжением, никто не заподозрил бы в нем беглеца.

Делая вид, будто заносит в блокнот какие-то сведения, Уилл отправился смотреть, нет ли поблизости публичной библиотеки.

Тем временем Лира искала укромный уголок, чтобы посоветоваться с алетиметром. В своем Оксфорде она мигом нашла бы поблизости с десятком таких мест, но этот Оксфорд был настолько другим, что она совсем растерялась. Что-то из окружающего казалось ей до боли родным, а что-то поражало своей чуждостью: зачем, например, здешние дороги разрисованы желтыми полосами? А что это за маленькие белые лепешки, которыми усеяны все тротуары (в ее мире никто не слышал о жевательной резинке)? Что означают эти красные и зеленые огни на перекрестках? Все это было гораздо труднее расшифровать, чем показания алетиметра.

Но перед ней были ворота Сент-Джонс-колледжа, через которые они с Роджером однажды перелезли после наступления темноты, чтобы спрятать в клумбах шутихи; а вот на этом старом камне на углу Катт-стрит Саймон Парслоу вырезал свои инициалы – и смотри-ка, тут они были на том же самом месте! В своем мире она сама видела, как он их вырезал! Значит, и в этом мире кто-то с теми же инициалами стоял здесь и от нечего делать ковырял ножичком.

Возможно, в этом мире есть свой Саймон Парслоу.

А может быть, и своя Лира.

По спине девочки пробежали мурашки, и Пантелеймон содрогнулся у нее в кармане. Она встряхнулась: вокруг и без того хватает тайн, так что ни к чему придумывать новые.

Еще одним отличием этого Оксфорда от привычного были огромные толпы людей, кишачие на улицах и у входов во все здания. Кого тут только не было: женщины, одетые как мужчины, африканцы, даже группа тартар, робко следующих за своим предводителем, аккуратно одетых и увешанных маленькими черными футлярами. Сначала она смотрела на всех этих людей со страхом, потому что у них не было деймонов и в ее мире их приняли бы за мар, если не за кого-нибудь похуже.

Но (и в этом заключалось самое поразительное) все они выглядели абсолютно живыми. Они шагали по своим делам вполне бодро, словно были самыми обыкновенными людьми, и Лире пришлось признать, что они, наверное, и впрямь нормальные люди, а их деймоны спрятаны внутри, как у Уилла.

После часа скитаний по этому фальшивому Оксфорду она проголодалась и разменяла свою двадцатифунтовую бумажку, купив плитку шоколатла. Продавец посмотрел на нее как-то странно, но он был из Вест-Индии и, наверное, не сразу понял ее просьбу, хотя она выговорила ее очень четко. На сдачу она купила яблоко на крытом рынке – он был гораздо больше похож на настоящий, чем многие другие места в этом городе, – и отправилась в сторону парка. По дороге она наткнулась на внушительное, вполне оксфордское на вид здание, которого не существовало в ее мире, хотя оно выглядело бы там очень уместным. Она села на траву – напротив здания была лужайка – и принялась есть, одобрительно поглядывая на него.

Оказалось, что в этом доме расположен музей. Поев, она зашла внутрь и обнаружила там чучела животных, ископаемые скелеты и ящики с минералами, точь-в-точь как в Королевском геологическом музее, куда водила ее в Лондоне миссис Колтер. В глубине большого зала из стекла и железа был вход в другую часть музея, и, поскольку вокруг практически никого не было, она прошла туда и огляделась. Мысль об алетиметре по-прежнему вертелась у нее в голове, но в этом втором зале она увидела уйму хорошо знакомых ей предметов: в застекленных витринах висела арктическая одежда, очень похожая на ее собственную меховую шубку и рукавицы, стояли сани и фигурки, вырезанные из моржовой кости, лежали гарпуны для охоты на котиков – словом, здесь были в беспорядке свалены тысячи сувениров, мелочей, магических амулетов, орудий и всего прочего, и не только из Арктики, но и с других, самых разных концов света.

Однако как странно! Эта шубка из шкуры оленя карибу была неотличима от ее собственной, но построжки на стоящих рядом санях кто-то завязал совершенно неправильно. А вот фотография с охотниками-самоедами, точными копиями тех, что поймали Лиру и продали

ее больвангарцам, – удивительно! Это были те же самые люди! И даже узел на перетершейся веревке был в том же самом месте – ошибки тут быть не могло, потому что Лира провела в этих саях связанной несколько мучительных часов... Как объяснить эти тайны? Может быть, на самом деле существует лишь один-единственный мир, которому как будто сняты остальные?

И вдруг она увидела нечто, заставившее ее снова вспомнить об алетиметре. В одной старой витрине с деревянной рамой, выкрашенной в черный цвет, были выставлены человеческие черепа, и в некоторых из них – на лбу, сбоку или на макушке – темнели дырочки. В черепе, лежащем посередине, их было две. Лира прочла карточку, заполненную тонким неразборчивым почерком. Там объяснялось, что дыры – результат так называемой трепанации, которой эти люди подверглись еще при жизни, поскольку кость зажила и края отверстий сгладились. Исключение составляла одна дырочка, проделанная бронзовым наконечником стрелы, который до сих пор торчал в ней; ее края были острыми и неровными, так что разница сразу бросалась в глаза.

Это была та самая операция, которую производили северные тартары. Ученые из Иордан-колледжа, знавшие Станислауса Груммана, утверждали, что и он сделал с собой то же самое. Лира быстро огляделась и, убедившись, что поблизости никого нет, достала алетиметр.

Она сосредоточила свое внимание на среднем черепе и спросила, что за человек был его обладатель и зачем он просверлил у себя в голове эти дырочки.

Застыв перед витриной в пыльных лучах света, проникающих в зал сквозь стеклянную крышу, она не заметила, что за ней наблюдают с верхней галереи. Там, за железными перилами, стоял и смотрел вниз крупный мужчина лет шестидесяти с лишним, в отлично сшитом полотняном костюме и с панамой в руке.

Его седые волосы были аккуратно зачесаны назад и открывали гладкий, загорелый, едва тронутый морщинами лоб. Глаза у него были большие и темные, с длинными ресницами, а взгляд очень внимательный; и каждую минуту-полторы его острый, с темным кончиком язык показывался в уголке рта и быстро пробежал по губам, увлажняя их. Белоснежный платок в его нагрудном кармане был spraysed одеколоном и распространял вокруг густое благоухание – так благоухают некоторые парниковые растения, до того роскошные, что к их аромату пришивается тонкий запах разложения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.